

18+

Роман Михайлов

ЛГОДЫ

Сборник сказок

Роман Михайлов

Ягоды. Сборник сказок

Серия «Vol.»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68309140

Михайлов, Роман. Ягоды. Сборник сказок: Individuum; Москва; 2019

ISBN 978-5-6042628-7-0

Аннотация

Роман Михайлов – писатель, драматург, автор книг «Изнанка крысы» и «Равинагар», специалист по символическим цепочкам и пространствам. «Ягоды» – сборник магических сказок, написанных в разные годы. Отдельные тексты ложились в основу фильмов и спектаклей, но собранные вместе они образуют единый мир со сквозными сюжетами (уход от мира, волшебное превращение, общение живых и мертвых, безумие как способ изменить реальность) и перетекающими персонажами.

Содержание

Предисловие	5
Война	8
Самолеты	98
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Роман Михайлов

Ягоды. Сборник сказок

© Роман Михайлов, 2019

© Джахангир Сулейманов, иллюстрации

© ООО «Индивидуум Принт», 2019

* * *

Предисловие

Н. – мой учитель. Несколько раз пытался прочесть ему сказки. Мы ехали с Н. в поезде, возвращались после сбора яблок в заброшенном колхозе. Усталые. Спросил, хочет ли он, чтобы я прочитал ему сказки. Он ответил, что не хочет. Не хочет ничего слышать, в том числе сказки. Второй раз задал ему тот же вопрос, когда мы сидели в пустой квартире, – тогда еще присутствовал К. Хозяин квартиры продал всю мебель. Сказал, что в этих сказках есть и Н., и К., только они скрыты под другими именами. Н. ответил, что раз так, надо послушать, но не сейчас. Третий раз напомнил ему про сказки, когда мы сидели около поликлиники. Он ответил: «Давай». Я достал из рюкзака смятые листы, смахнул с них крошки от раздавленного печенья и начал читать. «Война». Н. внимательно выслушал «Войну», сказал, что ничего особенного, но попросил продолжить. На следующий день прочел ему «Самолеты», а еще через день «Маски». Только через девять дней, после того как Н. послушал «Старого зайца», он ответил, что понимает, о чем идет речь. Какие-то моменты его возмутили: он узнал истории и персонажей, какие-то моменты его обрадовали, он сказал, что именно так и должно было произойти в реальности и жаль, что это сказки. Самым радостным было услышать от него «это же мы».

Этот сборник сказок выходит в конце 2019-го, они распо-

ложены в том же порядке: начинаются «Войной», заканчиваются «Старым зайцем». Девять дней. Девять сказок. Сейчас понятно, что другого времени для издания этого сборника не было и не будет.

Уже несколько лет я работаю над текстом под рабочим названием «Антиравинагар». Этот сборник станет моим тихим методом, герои «Антиравинагара» будут его листать, на нем гадать, его опровергать. Это те же герои, что везде, во всех моих текстах – просто у них меняются имена, кто внимательно и с интересом читает, их без проблем распознаёт. Этот сборник будет лежать в комнате, в которую мы зайдем с Н., и в нем будет удерживаться тело памяти.

Первое впечатление от города: нет ни одной ровной улицы, все изогнуто и есть ощущение, что изогнуты направления в целом – будто смотришь через толстое неровное стекло или систему плавных зеркал. Чтобы смотреть на восток, нужно идти взглядом за дома, закручивать в себе видимое. Не получается показать рукой «восток – там». Восток оказывается действием, чередой движений, а не только направлением. Интересно, как там строятся храмы, как освящаются, какие псалмы поются. Еще интересно, как я выгляжу со стороны. Если, находясь в городе, подойти к зеркалу и взглядеться, можно лишиться речи, выхватить такой испуг, который не пройдет никогда. Понятно, что там не будет привычного лица. Некое птичье зрение и нефиксируемая телесность, парящая в

системе зеркал? Цвета слышатся как шепот. Н. сказал, что к вечеру ожидаются гости, надо подготовиться. Н. встал у солнечной стороны, посмотрел на стену. Если подойти и спрятаться в его тени, скроешься не только от солнца, но и от всего, останешься существовать – только не здесь. Тень как приют. И если, когда придут гости, станет совсем страшно, можно укрыться в тени Н. Но как будет в помещении со светом, может быть, все окажемся в тени и не увидим друг друга. («Антирафинар»)

Когда придут гости, я прочту им эти сказки. Пусть приходят девять дней. Большинство сказок было написано совсем давно. Совсем давно – в 1950-е, 1960-е, как только я переехал в город. Какая, собственно, разница, когда они были написаны. Сейчас мы проживаем ощущение воли к иному – нелепое и трогательное.

*Роман Михайлов,
Тверь, осень 2019*

Война

Родился я в бедной семье. Отец ушел, когда я совсем маленьким был. Так мы с матерью вдвоем и остались. Жили в хрущевке, кушали одно время мало, но потом пришло хорошее: мать устроилась официанткой в местный санаторий и у нас стало навалом вкусной еды. Мама приносила заливную рыбу, салаты, даже сладости разные. Днями я шатался по двору. Хоть был и маленьким, но мама отпускала, оставляла ключи от дома. Она уйдет, а я дворовых друзей приведу, посидим, рыбу поедем. А вечером она возвращалась – в одно и то же время возвращалась. Я стоял на остановке каждый вечер, знал, что пройдет еще две минуты, еще одна минута, еще несколько секунд... приедет автобус, она выйдет, обнимет меня, и мы вместе пойдем домой.

Было мне лет шесть-семь. В доме напротив поселились бабушка с внуком. Сначала мы смотрели на них со стороны, как они из магазина возвращаются, с автобусной остановки домой ходят. А однажды он к нам во двор вышел. Дети сразу начали звать его уродом. Я тоже закричал в первый раз «Урод!» и побежал со всеми. У него с лицом что-то было странное. То ли ожог, то ли травма какая-то. Нос сливался с щеками не как у всех, а пугающе, и губы были вздернутые – такие, что зубы всегда было видно, даже когда он рот не открывал. Мы тогда закричали на него, а он на нас: «Сами уроды», – что-то швырнул в нас.

Один раз он вышел, а никого больше во дворе не было. Он сел около дерева, прямо на землю. Я подошел.

– А почему ты такой? – спросил я.

Он ничего не ответил, посмотрел и подул на меня. Подошел ближе, прямо к лицу своим лицом, снова подул.

– Ты ветер показываешь?

Я поразглядывал его лицо. Без страха. А он снова дунул.

– Пошли ко мне. У меня рыба заливная, вчера только сде-

ланная, еще салат с колбасой.

Он молча кивнул, и мы пошли. Я его посадил на стул, на котором обычно сам сидел, дал большую тарелку с рыбой и салатом, ложку.

– Ешь.

– А ты чего сам не ешь?

– Я уже поел. Ешь.

Он нерешительно прикоснулся к еде – ложкой, а потом прямо рукой. Ел и смотрел на меня.

– Ты тоже в школу пойдешь? – спросил я.

– Да.

– В нашу, рядом с домом?

– Нет, я буду в дальнюю ходить.

– Она же для дебилов. Там только дураки учатся.

– Наоборот. Там только те, кто знает тайны.

Этим же вечером я начал упрашивать маму, чтобы она отвела меня в первый класс не в соседнюю школу, а в дальнюю. Она разозлилась, начала кричать, что та школа для умственно отсталых. Я ей говорил, что все наоборот, но она не слушала. В конце разговора вообще расплакалась, сказала, что не ценю ее стараний.

– Так почему ты такой?

– Я был красивым. Но однажды высунулся из окна. Был сильный ветер. Он взял мое лицо и размыл по себе. Я кричал громко, больно было. У соседей все это было. Бабушка прибежала, думала, что умираю.

– И не вернул обратно?

– Нет. Сказал, что если я дуть буду, как он дует, то, может, и вернет.

– Поэтому ты ветер показываешь?

– Да. Ты меня тоже уродом зови, не стесняйся.

– Хорошо.

Тогда я испугался, что ветер может на меня тоже сильно подуть и все мое лицо сплющится. Я решил, что если ветер начнет дуть, то закрою лицо или даже упаду на землю лицом вниз.

Мы с Уродом подружились. Из-за этого со мной перестали общаться все остальные дети во дворе. Иногда приглашал их к себе поесть. Придут, молча сядут, съедят все, уйдут. Мама ругалась, говорила, что не против, чтобы я с Уродом дружил, но неужели больше дружить не с кем.

Наступила осень. Я пошел в школу, в первый класс. А Урод пошел в другую школу, дальнюю, у старых домов.

– В нашем классе собрались люди тайн.

Я упросил Урода провести меня как-нибудь к своей школе и показать людей тайн. Один раз занятия я закончил пораньше и пошел не домой, а к его школе. Мама была на работе, я мог гулять, как обычно, до самого вечера. Он встретил.

– Смотри, сейчас будут выходить.

Мы сели на скамейке у его школы. Я уставился на двери в ожидании людей.

– Где же они?

– Сейчас уже... За ними родители обычно приезжают, а некоторые и сами выходят.

– Где же они?

– Сейчас, сейчас.

Дверь открылась. Вышла женщина. Она вела за руку мальчика, который смотрел почему-то вверх. У него голова держалась на теле не как обычно, а повернуто, вот и выходило, что он всегда вверх смотрел.

– Кто это? – шепнул я.

– Страшный человек. Знает небо. Видишь, куда он смотрит?

рит? Вот так! Он может с небом поговорить, и дождь пойдет.

Следующей вышла девочка. Она выглядела странно, а глаза у нее смотрели в разные стороны.

– Как думаешь, куда она смотрит? – тихо спросил Урод.

– По сторонам? – неуверенно сказал я.

– Нет, в себя. Она в себе видит что-то особенное. А глаза ее – так, для вида, чтобы внутренние глаза не отвлекались.

После этого дня я снова попросил маму, чтобы она меня перевела в другую школу, чем вызвал ее крик и упреки. Она даже заплакала, закричала, что не понимает, что со мной происходит, и пригрозила, что запретит дружить с Уродом.

– Если сильно закричать, то дождь пойдет. Мне тот человек рассказал, который на небо смотрит – он знает. Он сказал, что один раз кричал долго и дождь пошел. Только надо кричать громко, на небо смотреть и не сдерживать себя. А-а-а-а. Громко-громко.

– А ты дуешь на них? В школе у себя.

– Да. На всех дую. Если мы не захотим когда-нибудь в школу идти, мы с ним ветер с дождем устроим, деревья сломаются, все дороги перегородят. Все забегают, запрыгают,

заговорят: «Что это, что это?» – а мы продолжать будем.

У мамы на работе появились друзья, у которых был огород за городом. В тех местах находилось множество огородов, отделенных друг от друга железными заборчиками. На некоторых участках стояли маленькие домики, а еще теплицы, поливальные шланги, столы. Люди приходили, работали, поливали, сидели, смотрели на кусты, травы. Друзья стали приглашать маму на выходные, в смысле посидеть, посмотреть на чистый воздух, без лишних звуков и усталостей. Мама все отказывалась, но однажды согласилась и взяла меня с собой. Это было невыносимо скучно. Они все вместе сели за столом, разложили еду и выпивку, а мне сказали пойти побегать. Я бегал и поглядывал в их сторону, пытаюсь усмотреть что-нибудь интересное. Так я пробежал целый день, после чего мы вернулись. И вот, при приближении следующих выходных, когда мама начала разговор о планах, я быстро выговорил заготовленное:

– Поеду, но только если мы Урода с собой возьмем.

Мама начала кричать, повторять раз за разом, что не понимает, что вообще происходит и почему все именно так происходит. Она повторила все это несколько раз, после чего спокойно сказала, что если я с ним хочу дружить, то ничего в этом плохого нет, и, действительно, пусть он поедет с нами.

На следующие выходные мы поехали все вместе. Мама шла впереди, а мы с Уродом чуть сзади. Смотрели по сторонам. Когда друзья нас увидели, они сразу же замолчали.

– Вот, соседский. Бедный... Дружат. Пусть вместе побегают, – сказала мама, представляя Урода.

– Да, конечно, – нерешительно ответил кто-то из друзей. – Как тебя зовут?

Урод подошел к спрашивающему и подул в его лицо.

– Ха-ха, – выдавил он из себя. – Веселый. Ладно, бегайте, ягоды собирайте. Сразу съедайте. Они вкусные, когда сразу с куста.

Мы с Уродом побежали.

Когда мы вернулись, мама и друзья были в веселом настроении. Тот, что сказал нам про ягоды, махнул рукой, чтобы мы подошли поближе. Мы так и сделали. Тогда он махнул Уроду, чтобы тот подошел еще ближе.

– Вот, что я тебе скажу, – у него язык немного заплетался, а глаза делались то серьезными, то закатывающимися. – Живи и знай, что в мире много добрых людей, которые всегда помогут, всегда обогреют.

– Ну, перестань, отстань ты от него, – сказала женщина,

сидевшая рядом.

– Нет, пусть знает. Пусть живет и знает, что мы его любим. Что для злых людей он – урод, а для нас, людей души, он как сын родной.

– Ну, какой сын родной, что ты говоришь? Идите. Побегайте еще.

– Нет, пусть слышит. Да ты для меня...

Он сполз со стула и встал на колени перед Уродом.

– Идите. Побегайте, вам говорят, – закричала мама.

Мы снова побежали, оглядываясь на то, как этого человека берут под руки и снова сажают на стул. Он нам кричал что-то вслед, но разобрать это было сложно. Мы обежали огород с другой стороны, спрятались за забором среди кустов, чтобы нас не было видно, а мы смогли всех видеть. Человек снова вставал, что-то говорил, его сажали, успокаивали.

– Иногда что-то со мною случается... Голова начинает болеть. Сначала почти незаметно. Даже не болит, но я уже знаю, что скоро это произойдет. Все останавливается. Стою и жду, что вот-вот в голове это начнется. А когда начинается, падаю, лежу, глаза открыть не могу, – прошептал Урод.

Мы сидели за кустами, смотрели на людей и друг на друга.

— Я однажды понял, что если дуть, как ветер, то легче голове становится. Долго дуешь если, то в голове меняется все, воздухом наполняется.

Я попробовал посмотреть внутрь своей головы, представить то, о чем рассказывал Урод. Что-то представил. Подул на Урода. Он подул на меня в ответ. Мы молча поняли друг друга, встали, побежали к столу с гостями, прямо к тому человеку, что стоял на коленях, подули ему в лицо и, не обращая внимания на то, что нам кричат вслед, побежали обратно.

Через несколько недель Урод уехал. За ним и бабушкой приехал огромный грузовик, рабочие перенесли мебель, закинули в кузов сумки, узелки, цветы в горшках всякие, они сели и поехали. Мама сказала, что они переезжают куда-то, а эта квартира была не их, там жила их родственница. Я стоял и смотрел на него, сидящего в кабине грузовика, а он смотрел на меня. И ничего не говорили. Не говорилось ничего само собой, и не думалось тоже ничего.

Я окончил школу, как и все, пошел в училище. Учился на коже: пошив курток, шуб, отделка одежды. Затем случилась работа на фабрике. У нас была толком одна фабрика,

поэтому выбирать работу не приходилось. Было большой радостью, что я сумел выучиться и устроиться на эту работу: многим ровесникам и этого не пришлось, они остались сло- няться да изживать себя.

Жизнь мамы сложилась сложно. Один раз она пришла до- мой с тем самым человеком с огорода, что стоял на коленях, и сказала, что он будет жить с нами и будет относиться ко мне как к сыну. Я тогда ничего не ответил, посмотрел вни- мательно на него, а у него слезы пошли по лицу, он протянул руки ко мне и так жалостливо: «Сынок».

Странный он был. Напьется иногда, орет на всю квартиру, на мать кидается с криками, угрозами, убить обещает. Со- седи послушают это, милицию позовут. Милиция приедет, поговорит с ним. Сядет на кухне в майке маленькой своей и трусах длинных, закурит, заплачет:

– А-а-а-а-а, – он часто так начинал, именно с такого чут- кого внутреннего вопля, – а-а-а-а, что же я живу-то.

Наутро просит прощения и у матери, и у меня. На колени встает и говорит, говорит, говорит: о чувствах, о правде, о том, что если не простим его, то ему жить больше незачем. А неделя пройдет – снова напьется, снова побежит с криками и угрозами. Мы уже в один момент мало внимания обращать

стали на него, и соседи перестали милицию звать, да и милиция уже не хотела приезжать и слушать его слезные рассуждения. Между работой и пьяной беготней он все время смотрел телевизор. Смотрел так же чувственно, с комментариями и общением. По его рассуждениям казалось, что он разбирается во всем на свете: в устройстве общества, политике, спорте. Иногда он отбегал от телевизора и ко мне так внушительно:

– Ты посмотри, а! Общество дегенератов, полудурков. Дума! Экономический баланс нулевой, валовый национальный продукт снижен, курс рубля удержать не могут. Дармоеды.

Общаться на этот счет или спорить было бессмысленно. Он этим занимался каждый день и знал телевизионные новости до мелочей. Обычно я поддерживающе кивал, соглашался, хотя и не всегда понимал, о чем шла речь.

Я часто вспоминал Урода. Первое время, наверное, каждый день. Было интересно и важно, что же с ним происходит, где он, вылечился ли от этой болезни, что он думает и где ходит.

Жизнь нашего города шла медленно и тягуче, без особых событий. Единственным развлечением были дискотеки местного молодежного клуба, располагавшегося в бывшем

кинотеатре. Посещать эти мероприятия не очень хотелось по той простой причине, что приходили на них все те же лица, которые были рядом в течение всего дня на улицах и на работе. Никто со стороны практически не приезжал. Поэтому посещали дискотеки мы скорее по долгу перед реальностью, нежели для развлечения или разнообразия жизни.

– Если в музыке звучит тунц-тунц-тунц, то это техно. Ты просто прислушайся. Тунц-тунц-тунц.

– А ты разбираешься в разных других... как их там...

– Разбираюсь. Направлений в современной музыке много. Есть очень тонкие, такие, что только специалисты смогут определить.

– А ты специалист?

– Конечно.

Так я познакомился с одним смешным пареньком. Он ходил в наушниках и пританцовывал. Не нравился он, собственно, почти всем. Его периодически колотили. Он болел, оправлялся, снова ходил и пританцовывал. Мы начали общаться, рассказывать друг другу о вещах и настроениях. Он мне рассказал о музыке. Действительно, казалось, что он знал все о музыке: он помнил разные названия модных групп, даже таких, которых никогда не показывали по телевизору, он различал разную музыку, определял ее название и положение. А я ему рассказал о детских встречах с Уродом,

о том, как мы ходили в школу к речке, о мечтах и скрытых мыслях. Когда про школу упомянул, он обрадовался:

- Так это же моя школа, я там и учился.
- Мне Урод сказал, что там люди тайн учатся.
- Ага. Мы все были людьми тайн.

Он сказал, что мечтает стать диджеем, играть в разных модных клубах, управлять музыкой. Его даже звали все вокруг Диджеем. Иногда он мог просто идти спокойно, задумчиво и вдруг начать издавать звуки, изображая какую-то музыку. Изобразит, спросит, знаю ли я, что это за направление, я скажу, что не знаю, тогда он новое слово назовет, определит, объяснит, снова звуки издаст. Один раз мы шли с ним по улице, мимо подъезда одного. А там копошатся на скамейке, укладывают быт уличный. Увидели нас, крикнули:

- Эй, Диджей, сюда, сюда, сюда.

Он посмотрел на меня испуганно. Мы подошли.

- Скажи, Диджей, ты слышал музыку говна?
- Нет, – он ответил с дрожью в голосе.
- А хочешь послушать? – тот, кто это говорил, был очень уверенным, тяжелым, с усталостью в глазах и теле.
- Да-а, – он ответил совсем не решительно.

Тогда этот тяжелый повернулся ко мне, поднес палец к своим губам и показал, чтобы я сделал тишину.

– Только не мешай слушать музыку, – сказал он мне шепотом.

Там было четверо его друзей, они тоже на меня убедительно посмотрели. Я кивнул.

– Смотри, Диджей, – вкрадчиво обратился тяжелый. – Ты видишь это говно?

Около скамейки лежали испражнения. Собачьи или человеческие – да непонятно.

– Подойди и послушай, сейчас там музыка будет.

Все четверо тоже встали и подошли к Диджею, указывая, что он должен подойти к испражнению поближе. Он подошел.

– Ты наклонись, послушай.

Диджей посмотрел на меня. Я ничего не смог сказать.

Тогда он наклонился и уставился на лежащие на земле кашки. Один из тех четверых подбежал к нему, схватил его голову и опустил прямо туда.

– Слышишь музыку? – тихо спросил тяжелый.

– Да-а, – со слезами выдавил Диджей.

– Видишь, как сладко. Ты сегодня узнал новую музыку. Ты благодарен нам?

– Да-а.

– Что значит «да-а»? Надо бы нас отблагодарить за это. Давай так договоримся. Завтра приносишь бабло сюда, благодаришь и идешь дальше.

Диджей встал, стряхнул с лица прилипшее и нервно закивал.

– Ну и отлично. Идите, друзья. Вы – хорошие парни, ценители музыки. Завтра не забудь только. Иначе найдем, и услышишь уже другую музыку, страшную. Любишь страшную музыку?

– Нет, – с его грязного лица капали слезы.

Мы молча пошли. Мое тело колотилось, я не знал, что ему сказать.

– Я на аппаратуру копил деньги, у меня же пенсия по ин-

валидности. Есть немного. Завтра принесу.

Я отвел его к себе домой и рассказал все отчиму. Тот с привычной чувственностью подошел к Диджею:

– Звери. Какие звери. Я завтра пойду и с ними разберусь. Они не зна-а-ают меня. Я весь район держал. Во, смотри, – он согнул руку, чтобы показать большие мышцы. – Нет, ты потрогай, потрогай, – Диджей нерешительно потрогал. – Видишь, завтра они все это потрогают.

Говорил он убедительно, иногда вскакивал и ходил по комнате, рассуждая об устройстве общества, нравах, воспитании и нравственности. Но на следующий день, когда мы пришли за ним, он оказался сильно пьян и чуть сам на нас не напал, выкрикивая угрозы и всяческую ерунду.

– Тебе еще тяжелее, – сказал тогда Диджей и посмотрел на меня.

Мы отнесли деньги, которые Диджей копил на аппаратуру, откладывая со своей пенсии. Эти люди взяли их и проводили нас одобрением и смехом, добавив, что мы можем иногда к ним приходить и слушать новую музыку.

– Ты знаешь, что такое клубная культура Лондона? – од-

нажды спросил Диджей. Вернее, он не спросил. Он прекрасно знал, что я ничего не отвечу и этот вопрос окажется началом его очередного рассказа о музыке. — Это иная ментальность, иные движения. Там все пропитано резаным ритмом, плавными шумами. Хорошо там.

Мне иногда казалось, что никаких внешних источников рассказов о музыке у Диджея не было, что он все это доставал внутри себя. Мне, собственно, было все равно. Это интересно было слушать, а так ли это в Лондоне или иначе, не имело глубокого значения. Он объяснил, что на нашу местную дискотеку лучше не ходить, что музыка там бедная и неправильная. Скорее всего, он сказал это из-за того, что боялся вернуться оттуда с новыми синяками, но его слова прозвучали убедительно и закрепились в понимании. Больше туда я не ходил.

Как бы пошла наша жизнь, если бы мы не поехали в тот день в областной центр, не представляю. Диджей пришел и сказал, что слышал о завозе новых пластинок, что хочет поехать и зовет меня с собой. Был выходной, ничего меня дома не удерживало, а дожидаться прихода веселого отчима с дальнейшей узнаваемой драмой не хотелось. Я с радостью согласился, мы сели в рейсовый автобус и поехали. За окном прошли дома нашего городка, затем поля, а уже дальше малознакомые места, редкие люди, деревни, далекая жизнь.

Областной центр находился в пяти часах езды. Бывали мы там раз в году, а то и реже. Делать там было нечего, а суета и человеческая неразбериха лишь запутывали. Мы зашли в музыкальный магазин, где Диджей по-свойски поздоровался с продавцами, стал с ними живо что-то обсуждать, даже спорить. На это было интересно и радостно смотреть: в некоторые мгновения он начинал сиять, надевал наушники с новой музыкой, подтанцовывал, смеялся. Видимо, это общение и служило во многом источником его рассказов и изображений. Ему было там хорошо. Мы провели там час, затем второй, а когда пошел третий, я сказал ему, что устал уже сидеть и смотреть на экран с танцующими людьми, что пойду пройдуся по городу.

Город сложным образом затягивал в себя. В нем витали напряженный воздух и мнения, по нему тяжело было ходить. В отличие от нашего городка, в этой большой чувственной пропасти в основном приближалось безразличие. Люди кивали сами себе, говорили сами с собой и о себе и быстро исчезали. Как в таком месте можно жить или просто долго находиться? По безумию это, скорее, походило на чередование речей отчима: то трезвых чувственных, то пьяных звучных. В общем, я не понимал там ничего: ни людей, ни воздуха, ни машин. Конечно, в такие места бывает полезно окунуться, посмотреть на запутанки, на неясности. Но это хорошо де-

лать, когда есть возможность из этого выбраться, снова расставить внутри себя жизнь, определить хорошее и спокойно уснуть.

На одной из улиц селились рестораны и кафе. Один за другим, один за другим, в ряд, по очереди. Это не понималось совершенно: зачем столько ресторанов в одном месте? Там были надписи о ресторанах разных стран: итальянских, японских, французских. Все вместе. Один из ресторанов стоял несколько поодаль, как бы откинута. На нем были стеклянные окна на всю стену, такие, что можно было легко видеть тех, кто сидел за столиками и кушал. Я подошел к нему, чтобы разглядеть, какие посетители ходят в такие места, что они едят и вообще, как смотрят и двигаются. Подглядывать, конечно, неудобно, но там все было специально устроено для подглядывания и, уж наверняка, те, кто там сидели за стеклом, предполагали, что люди с улицы могут смотреть на них.

За столиками сидели люди большого достатка: это было видно по их одежде и поведению. Многие были с украшенными дамами, аккуратные, точно двигающиеся, улыбающиеся друг другу. Были и люди серьезных дел с грубыми лицами и движениями. Я ходил взад-вперед этих окон, вглядывался, замечал их беседы и выражения лиц. И вдруг я увидел четырех человек, сидящих за столом и что-то живо обсуж-

дающих. Один из них был в длинном черном плаще. Он живее остальных объяснял и устанавливал беседу. Внутри дернулось, пробежало дрожью, я без раздумий раскрыл дверь, зашел в этот ресторан и подошел к их столику.

Мы смотрели друг на друга, как тогда, когда он уезжал на машине. Те трое, что сидели с ним, спрашивали, что мне нужно и кто я такой, но я даже не знал, что сказать. Он встал, подошел ко мне и... подул мне в лицо:

– Садись. Будешь есть?

– Нет, спасибо.

– Это мой друг детства. Уважайте его и цените. Человек он теплый, правильный. Был таким, по крайней мере. Надеюсь, что не испортился, конечно, – лицо Урода стало грубее и страшнее, а губы стали еще более закатанными.

– Мы глубоко ценим всех друзей Урода. Ты чем занимаешься? – спросил один из сидевших рядом.

– Кожей, – я нерешительно ответил.

– Правильно. Дело важное, знакомое.

Я просидел с ними какое-то время, толком не сказав ни слова. Урод смотрел на меня и глазами улыбался. Мы вышли, он распрощался с людьми.

– Ну что, рассказывай, – он посмотрел на меня по-старо-

му, как в детстве.

– О чем?

– О жизни.

– А я и не знаю, что рассказывать. А! Вот. Помнишь того человека, который на коленях на огороде стоял?

– Конечно.

– Он мой отчим уже давным-давно.

Урод рассмеялся.

– Пойдем, там Диджей, мой друг, он пластинки покупает. Сейчас вас познакомлю.

Мы пошли по улицам, оглядываясь на людей. Урод интересно смотрелся в этом длинном плаще. Он иногда специально заглядывал людям в лицо, чтобы те отшатнулись, а когда они пугались, он начинал хохотать:

– Как же я люблю провинцию, этих людей, эту жизнь. Ты не представляешь, как тут тепло. Они не скрывают своих чувств, они пугаются меня, они оглядываются на мое лицо, вслед шепчут что-то себе, они живут.

– Ты здесь живешь?

– Я? Не-е-е-е. Я живу далеко.

Мы пришли в магазин. Казалось, что ничего не измени-

лось: Диджей, как и час, как и два, как и три часа назад, выбирал пластинки и пританцовывал.

– Диджей, – я подбежал к нему и обнял его. – Ты смотри, кого я привел.

Диджей посмотрел на Урода, снял наушники и испуганно сказал:

– Ого. Кто тебя так?

– Да никто, я же тебе про него рассказывал. Его ветер так. Это же Урод.

Урод в ответ рассмеялся и предложил нам пойти где-нибудь посидеть и обсудить жизнь и ее продолжение. Диджей купил пластинки, попрощался с жителями магазина. Мы пошли, даже побежали по улице, глядя друг на друга. Мы все чувствовали, что начинается что-то новое, от этого и радовались.

– Все началось с того, что жители Нью-Йорка порешали, что сумасшедших лучше не держать в специальных домах. Можно просто дать им жить среди остальных людей, думать по-своему, говорить что хотят. Выпустили. Улицы наполнились. Новые люди скакали, пели, смеялись громко, а некоторые и вообще стали погоду устраивать над городом. Собе-

ругутся человек по пять-шесть, закричат, станут дождь звать. Дождь пойдет. Прыгают безумные, хохочут, гогочут как птицы, мокрые уже все. А остальные, те, что нормальные, с умилением смотрят, радуются.

– Там женщины, правда, юбки не носят? Ходят в штанах, а то и вообще без штанов? – спросил Диджей.

– Когда полетел туда, бабушке моей сон приснился, будто я маленький. Подхожу к луже, грязной-грязной, и туда всем лицом, и всей светлой одеждой. Она выдергивает из лужи за руку, говорит «дай-ка тебя накажу», а я хохочу, довольный, что запачкался. Капает черное с лица, а я еще больше хохочу. Бабушка звонит недавно, говорит: «Какой же ты у меня добрый» – и плачет, плачет.

– А, правда, что там люди и нелюди по улицам ходят? Звери разные тоже ходят, и никто их не арестовывает.

– Дыхание иногда над всеми появляется. Дышит кто-то. Глубоко так... Вдохнет, задержится, выдохнет. И не понять: хорошее оно или плохое.

– Кто?

– Тот, кто дышит. Иногда громко, прям до чувств, можно остаться стоять на улице в этом дыхании, ничего сделать не получится. А иногда начинаешь дышать вместе с этим дыханием. Оно вдохнет – и ты. Смешно станет, похохочешь, поглядишь по сторонам – а все хохочут. Так жизнь выстроится.

– Скажи, а какая там в Нью-Йорке клубная культура? Как

в Лондоне?

– Лучше. Там по клубам можно хорошо ходить, на чудиков смотреть. Музыка разная, даже такая, что уши не выдерживают, портятся.

– А как ты вообще попал в этот Нью-Йорк?

– По работе.

– А что у тебя за работа?

Тут Урод остановился и убедительно посмотрел на нас. Я не мог представить, что он ответит.

– Я занимаюсь очень важным делом. Антиквариатом.

– Это как?

– Это целая суть, целая мыслительная индустрия со связями и грехами. Дело важное и правильное. Ну а вы как? На жизнь хватает?

– На какую жизнь?

Урод рассмеялся:

– Не смотрите так удивленно. Устрою, не волнуйтесь. Заживете по-теплому. На пластинки всегда будет хватать.

– Скажи, а ты не бандит? – несколько испуганно спросил Диджей.

– Я? Да ты что? Неужели похож? Я людям помогаю, жизнь их подправляю.

Мы сели в одном сквере, неподалеку от многоэтажных домов.

– Посудите сами, посмотрите на историю мысли нашего народа. Были у нас философы в древности? Нет. Зато были лучшие иконописцы. Людям не надо было языком ля-ля-ля, они в символах, в красках, в масле суть заворачивали, укрепляли это, оставляли на века. Для нас оставляли. И это больше значения имеет, чем слова, чем мычания и рассуждения. Символ – это живое, жизнью наполненное.

– Ты иконами торгуешь?

– Не только. Я привожу предметы русской древности в Америку, в коллекции.

– А зачем им это?

– Вот! В том-то и вопрос. Видимый ответ здесь – просто дурь богатых людей. А нет, не все так просто. И это необходимо для понимания. Многие готовы все свои деньги за определенную штучку выложить, разориться, голым ходить по улице, но с этой штучкой в обнимку. Потому что это – их символ, их связь с вечностью. Они осознают всем своим умом и телом, что если этот символ не получают, то жизнь их рассыплется на бессмысленные кусочки, тряпочки, невменяемости.

– Странное дело.

– Наоборот. Мало таких нестранных дел в нашем мире.

Вы посмотрите на дела, они наполнены бессмысленностью. Люди не за символами охотятся, а за дуростями, – Урод снова засмеялся и подул на меня.

Мы проболтали еще несколько часов. Урод рассказывал, рассказывал, рассказывал о новом и далеком, о Нью-Йорке, богатых людях, опасностях. Он рассказал, как сидел в тюрьме за неправильные перевозки чего-то, о том, как встречался со страшными людьми. Мы с Диджеем боялись прервать его рассказы. Нам открывалась иная жизнь, полная незнакомых эмоций и занятий.

– Ты, наверное, можешь достать любую музыку.

– Конечно. И не только музыку. Могу достать практически все, – он снова рассмеялся и подул на Диджея.

– А почему ты все время дуешь?

– Привычка. Не обращай внимания. В общем, есть дело. Ерунда, в принципе. Сам не успеваю просто. Надо набор посуды деревянной в одном месте забрать. Заплатят хорошо, думаю, что так хорошо, что вы не ожидаете. Просто ложки там всякие, тарелки деревянные, ничего особенного.

– Где забрать?

– Вот, это уже разговор. Туда ехать надо. Отсюда далеко-вато, сутки на поезде, дальше автобусом до деревень. Адрес у меня есть, там бабка с дедом живут, у них хранится посуда. Приедете, заплатите им, да они задаром отдадут. Вам же

менять все это надо: и внутри, и снаружи, прикрепляться к общей сложности. Иначе съест вас эта жизнь, посмотрите на себя.

Я посмотрел на Диджея. Он сидел в нерешительности, не знал, что ответить.

– Просто ложки и тарелки купить?

– Да, – Урод убедительно посмотрел. – Денег я дам и на дорогу, и на покупку.

Он сказал, что мы можем подумать пару дней, приготовиться, записал адрес в городе, где он остановился, проводил нас до автобуса. Всю обратную дорогу мы обсуждали его слова.

Мы с Диджеем так и не могли понять, в чем же такая ценность деревянной посуды, что за ней нужно так далеко ехать. С другой стороны, открывалось что-то новое и интересное.

– А мне нравится такая работа. Привезешь ложки, следующий раз какой-нибудь шкаф, картину – это как грузчик, но платят наверняка побольше, – сказал я в итоге.

– Да, ничего работа. Хорошая. Надо нам соглашаться. Соберем вещи, предупредим всех и поедем. Денег скопим, аппаратуру купим, клуб откроем свой.

Когда я пришел и сказал маме и отчиму, что планирую попробовать другую работу, отчим оживленно начал расспрашивать:

– Как это, ложки привозить из далекой деревни? Там что, ложки делают?

– Нет, ложки старинные. Там просто у кого-то остались.

– А кому они нужны?

– В Америке кому-то.

Отчим передернулся от этого ответа. Он серьезно сел напротив меня, посмотрел в глаза и внушительно сказал:

– Америка... Наши ложки им нужны уже. Мало того, что из всего мира кровь сосут, теперь они и наши ложки решили забрать. Хрен им, а не ложки. Не поезжай. Сначала ложки, потом вилки, потом ножи и топоры. Расшатывают нас изнутри, чтобы нам есть нечем стало.

– Нет, они сами там дикие, некоторые даже голыми по улице ходят – друг рассказывал. Ложки им нужны как связь с вечностью, как символ.

– У них что, своих символов там нет? Надо наши забирать?

– Видимо, нет. Друг сказал, что некоторые из них совсем того, готовы голыми в обнимку с ложками ходить. Не жалко их разве?

– Вот мы и страдаем из-за жалости. Всех жалеем, перед всеми кланяемся: нужны ложки – забирайте, нужны дома наши – тоже забирайте. А экономика в жопе.

– Мне обещают много денег заплатить.

Мама и отчим замолчали, уставились на меня.

– За ложки? – переспросила мама.

– Да. Там еще тарелки какие-то.

– Давай я тебе с работы принесу. Ты поспрашивай, сколько там надо, – мама оживилась.

– Нет, такие не пойдут. Нужны деревянные.

– Так я и деревянные попробую достать.

– Я спрошу, но вряд ли. Это какие-то особые ложки. В общем, мы послезавтра с Диджеем поедем. Я на работе отпущусь, у меня много выходных скопилось. Если дело пойдет, то многое изменится. Буду ездить, предметы разные искать, деньги за это получать.

Мама с отчимом покивали, сказали, что уже давно пора думать о чем-нибудь перспективном и цельном. Отчим еще рассказал об экономической ситуации, о международном сотрудничестве, индустриальных проблемах, объяснил, почему закрываются фабрики и заводы.

Собираться долго не пришлось. Ехали-то всего на несколько дней. Закинул в сумку небольшую одежду, взял денег на всякий случай, посмотрел на жизнь в квартире, за окном и внутри себя, сказал, что хочу ехать сильно-сильно. Диджей взял с собой несколько запасных батареек для плеера, кассеты с редкими записями, журналы о музыке, чтобы было что полистать в дороге. Мы встретились на автобусной остановке, еще раз взглянули на наш город и поехали.

Жило понимание нового, интересного. Еще несколько дней назад трудно было предположить, что такое будет, что я снова встречу Урода и поеду невесть куда за деревянными ложками. Старая жизнь оставалась со знакомыми местами, разными природами, важностями.

– Если дела пойдут, то и в Нью-Йорк поедem, – сказал я.
– И в Лондон, – добавил Диджей.
– Хочется посмотреть на всех этих сумасшедших на улицах, которые с символами в обнимку ходят. Наверное, их не так уж много. Представляешь, люди живут и мечтают получить ложку, за которой мы едем. Правильно Урод говорил о правильности и важности этого дела. Есть Деда Морозы разных уровней и пониманий. Обычный Дед Мороз – это просто артист, который детские мечты приносит: игрушки, конфеты. А есть Деда Морозы высокие, которые символы достают. Люди сидят обреченные, невзрачные, в своих внут-

ренных печалях, а тут... Дед Мороз с символом в коробке. На тебе, дорогой, ложку деревянную, редкую, о которой ты мечтал.

Урод открыл нам дверь и улыбнулся:

– Ну и правильно. Заходите.

Это была квартира со множеством книг. Казалось, что книги залезают на все стены. Стена заканчивалась, книги заканчивались, а тут за угол и... снова книги. Чего там только не было. И разные языки, и старые обложки, и толстые энциклопедии. Урод накрыл стол, уложил еду, чай, сказал, чтобы мы не стеснялись.

– Расскажу немного. Мы с тобой расстались еще маленькими совсем. Мы тогда с бабушкой в новый город переехали, еще меньше вашего. Пейте, пейте чаек, хороший, сладенький. В том городке была только одна школа, не так, как у вас. Я пошел в эту школу и сразу же вызвал собой недоумение и негодование всех вокруг. Учителя косились, а ученики стали организовывать самые настоящие побои. Ждали меня около школы, валили на землю и били ногами. Кричали: «Урод, урод», – Урод рассмеялся. – Так и шло.

Диджей внимательно слушал, даже не притрагивался к

чаю.

– Там жило мышление стаи. Если встречаешь кого-нибудь одного в городе, он пройдет мимо, даже сделает вид, что тебя не видит. Если же они стайкой идут, тут-то и начинаются проблемы. По одному они чувствуют внутри слабость, не хотят проявлять себя. По одному они желают спрятаться, невидимо укрыться. Вот когда их много, тогда и начинается. Все это длилось где-то полгода. Если не каждый день, то уж точно каждую неделю. Я уже вставал по утрам, готовился. Сначала научился не плакать. Вставал с намерением ни разу не заплакать за этот день, что бы ни происходило. Просто лежал, прикрывал голову руками, терпел их удары и оскорбления. И вот, когда научился не плакать, решил, что больше не упаду на землю. Подошли как обычно, толкнули. А я сам набросился на одного, повалил, стал руками ему в лицо бить. Он испугался, закричал, остальные тоже испугались. Я его еще укусил для прочего страха и крикнул, что теперь он таким же, как я, станет, что мой укус заразный. С того момента многое изменилось. Они меня обходили стороной. А старшая шпана решила знакомство и общение со мной завести. Так я попал в другую жизнь и разговоры. Жестко там было, очень жестко всё. Никакое проявление слабости с рук не сходило. Общение за общением, и я познакомился с большими людьми того города. Они растолковали, что моя внешность – это очень хорошо. Объяснили четко и понятно: «Посмот-

ри на людей, они все как один на лицо, а у тебя все перевернуто, это значит, ты можешь делать то, чего они не могут». Иногда приходится проходить через настоящие внутренние сражения, чтобы зажить и засветиться.

Мы с Диджеем ловили и впитывали его слова. Я вспомнил наши старые разговоры.

– А как же ветер? Ты еще дуешь, чтобы он тебе лицо вернул?

– Да. Все эти жесткие дороги, эти жизненные понимания – просто правила жизни, это не меняет тайн, это просто в воздухе болтается.

– А как ты начал продавать ложки и картины?

– Большие люди общались с людьми еще большими из других городов. Те меня заметили, научили, денег дали, в правильное общество ввели. Затем в Америку отправили учиться. В Америке уродам легче, там их больше. Там много разных разнесенных, чьи тела на стульях не помещаются. И у них там устроено так, что это нельзя в обществе подмечать. Смотрят на меня, видят, что лицо перекошенное, а сказать это вслух им запрещает их жизнь. Общаются, как будто все нормально, улыбаются. Поначалу мне смешно все это было, а затем привык.

Мы попросили рассказать, куда надо ехать, что говорить,

что покупать. Урод молча посмотрел на воздух над столом и в тишине допил чай.

– Место то странное, запутанное. Что бы ни случилось, знайте, что я все это делаю из чистых чувств и желаний к вам.

– А что может случиться? – испуганно спросил Диджей.

– Да ничего, собственно. Приедете, скажете, что деревянную старую посуду хотите купить. Люди там бедные, отдадут за дешево. Я денег дам в запас, чтобы на всякие случайные расходы хватило. Но места там шаткие, там многое меняется.

– Что меняется?

– Настроения, интересы, погода. Рассказывают, что сны у них испорченные у всех. Достаточно пожить там пару месяцев, чтобы сны перекошились. А так народ, как везде, – добрый, теплый.

– Ты немного напугал, – сказал я.

– Чем? – Урод рассмеялся. – Если вас такая ерунда пугает, как же вы вообще живете?

Урод сказал, что мы обязательно должны ехать с таким расчетом, чтобы приехать туда рано утром, что с лишними людьми не надо особо разговаривать, что опишет нам дорогу подробно и в сторону не стоит сворачивать. Он достал лист бумаги и начал чертить карту, подробно объясняя, где мы должны сесть на автобус, на какой станции сойти, к какому дому подойти, а к какому дому не стоит подходить ни в коем

случае.

– А что нам сказать, когда в нужный дом зайдем?

– Да просто всю правду и скажите: «Мы скупаем вещи старины, слышали, что у вас хранятся деревянные ложки и тарелки, готовы предложить неплохие деньги». Вам все вынесут. Расплатитесь, на автобус, на станцию, на поезд и ко мне с ложками. Здесь деньги за работу и получите.

– А что будет, если мы в этот дом зайдем? – я ткнул пальцем в зачеркнутый домик на карте.

– Тоже ничего особенного. Там неменяемые живут. Скорее всего, они просто не поймут, что вы говорите, покричат, повизжат и успокоятся. Но зачем время терять? Поймите, в округе живут и люди недалекие, в себе плавающие. Иногда общение с ними проходит с тяжестью. Но это не стоит в голову брать или расстраиваться.

Урод еще рассказал кучу всего: где ждать, если хозяев не будет дома, что говорить, если они скажут, что у них нет ложек, что делать, если спят и не хотят открывать, даже что делать, если на нас собак выпустят или начнут сажать за стол и угощать. Ночью мы вышли из дома и пошли на вокзал. Урод дал много денег. Мы запрятали их поглубже, чтобы не потерялись случаем. Вокзал был закрыт, но Урод сказал, что билеты на поезд можно не покупать: все это решается за считанные секунды с проводником. Действительно, когда подь-

ехал поезд, Урод подскочил к проводнику одного из вагонов, дал ему несколько денежных бумажек с просьбой поселить нас, обнял меня.

– Давай, дорогой, терпи эту жизнь, она хорошая, просто ее потерпеть надо немного. Она по-другому раскроется в один момент, по-любовному, – его глаза по-детски улыбнулись.

Мы зашли в вагон, сели на указанные места и стали смотреть в окно. Урод провожал нас смешными взмахами рук и, чтобы насмешить нас, изобразил, как Диджей пританцовывает. Поезд тронулся, за окном зажили темные пейзажи, без ночных людей и даже птиц.

– Из обычной жизни выезжаем, – шепнул Диджей.

– Дедами Морозами становимся. С бубенчиками и колокольчиками. Кто жить не может без ложки или вилки – привезем. Ну и что, что американец или испанец. Им тоже надо как-то выживать. Тоже наверняка у них свои проблемы, своя страшная музыка.

Мы уснули. В ту ночь приснилось что-то смешанное, вырванное из детства. Словно мы маленькие еще с Уродом, бежим по огороду, смотрим, как пьяный отчим что-то вещает на стуле, поглядываем на это все из-за забора и кустов. Когда проснулись, распознали, что в поезде едет не так уж мно-

го людей, на весь вагон человек десять. Проводник пришел, принес утренний чай.

– Люблю эти места, – сказал он с душой. Лицо у него было круглым, красным, одежда узкой, еле налезавшей на большое тело. – Места красивые, леса одни чего стоят. Животные здесь водятся потрясающие, а-а-а-ах, жил бы здесь, печенье покусывал бы. Домик здесь завести себе, как же уютно и радостно станет!

Места за окном и правда проходили красивые, запущенные, со сложными темными деревьями и уходящим уютom. Взгляд туда так и улетал, в эти глубины и сложности.

– А вы по каким делам в те края? Родственников навестить?

– Нет, мы работаем, – твердо ответил Диджей. – Вообще-то я музыкант, но здесь дело. Бизнес делаем.

– А, понятно. Сейчас все бизнес делают. Людьми важными становятся, ухоженными. Ну и правильно. Если жизнь позволяет, чего бы бизнес не делать.

Весь день мы смотрели в окно и обсуждали будущие дела. Иногда к нам присоединялся проводник, ему тоже не хотелось ехать в скуке, – общались втроем. К вечеру легли пораньше, чтобы встать ночью, попросили проводника растол-

кать нас, как только будем подъезжать. И, казалось, что только об этом сказали, как уже услышали, что он говорит:

– Подъезжаем, просыпайтесь, ваша станция скоро.

Мы взяли сумки, попрощались и выскочили из вагона.

Это была маленькая темная станция с кучкой испорченных фонарей. Поезд пошел дальше, в еще более темную глубину. Один фонарь еще не до конца сломался и помигивал, делая видимым кусочки станции и земли. Я вспомнил слова Урода, что нам надо около часа подождать около станции, дальше подъедет нужный автобус, куда мы и сядем. Мы посмотрели по сторонам, чтобы выбрать место почище и посветлее. Повисла полная тишина, даже без звуков ветра и насекомых. Мы обошли вокзал по кругу и засомневались, что в этом месте вообще есть жизнь. Даже трудно было предположить, что в такое место через час может приехать автобус. Наметив несколько светлое место, мы бросили сумки на землю и уселись на них.

– Смотри, – тихо шепнул Диджей и головой указал в сторону. Там увиделся силуэт. – Кто-то стоит.

– Да, точно. Человек. Стоит, не шевелится.

Мы стали смотреть в его сторону. Казалось, что он тоже

смотрел на нас. Вдруг он поднял руки и стал нам махать.

– Нам машет?

– Наверное. Не будем подходить. Если ему что-то надо, пусть сам подходит.

Человек стал явно махать нам, призывая подойти к нему. Мы не сдвинулись с места. Тогда он стал медленно приближаться.

– Идет к нам. Страшновато. Не понятно, что ему надо.

Он подошел к нам и недовольно посмотрел. Это был человек возраста, в растрепанной одежде, с седыми волосами.

– Бродяги, добрались-таки, – он протянул руку сначала Диджею, потом мне. – Сколько вас ждать-то? Чего не подходите?

– А вы кто?

– Я? А что, никто не говорил обо мне? Можете жизнь поблагодарить, что я додумался вас на этом поезде встречать.

Я достал бумажку с адресом и картой и протянул ему с вопросом, знает ли он, как туда добраться.

– Да все я знаю, не переживай. Сейчас главное – укрыться

до рассвета. Солнце взойдет и начнется. Я отведу, припрячу. Двигаться будем по ночам. По ночам здесь тихо, слышите? Ничего не слышите. Потому что ночью здесь все умирает.

– Что начнется, когда солнце взойдет? – немного испуганно спросил Диджей.

– Как? – человек приблизил свое лицо и удивленно посмотрел на нас. – Вы не знаете?

– Что мы должны знать? Нам по этому адресу надо. Автобус скоро подойдет.

– Какой автобус? Автобусов давно уже здесь не бывает. Все расстреляли. Война ведь.

– Какая война?

Человек подскочил с еще большим удивлением.

– Откуда вы такие вылезли? Война уже давно здесь. Видите эту яму? Снарядом разбило вчера. Думаете, почему все вымершее? Кто смог, тот убежал, кто не смог, в подвалах хранит себя.

Мы с Диджеем испуганно посмотрели друг на друга.

– А когда поезд обратно? В ту сторону?

– Поезд раз в двое суток ходит. Но днем здесь быть нельзя: здесь обстрелы ведутся. Днем лучше по подвалам. Ночью

двигаться можно, но очень осторожно. До этого адреса придется идти суток четверо, по ночам. Я знаю местность до косточек, найду, где укрываться днем.

Внутри все протрясло. Диджей вскочил так резко, что у него выпал плеер из кармана.

– Ух ты, музыка, – улыбнулся человек. – Много лет не слышал уже. Дайте послушать.

Диджей протянул ему плеер, помог надеть наушники и включить музыку. Человек закатил от удовольствия глаза и стал пританцовывать.

– Что делать-то? – спросил я дрожащим голосом. На лице Диджея тоже был страх, он не знал, что ответить.

– Давай попросим на день нас укрыть где-нибудь поблизости, а следующей ночью обратно поедem.

Мы так и попросили. Человек кивнул и махнул, чтобы мы шли за ним. Мы взяли сумки и последовали. Он шел впереди с наушниками и музыкой, пританцовывал, а мы тихо крались за ним, пугливо осматривая вещи по сторонам. Действительно, все казалось мертвым, застывшим. Ни деревья, ни птицы не подавали признаков жизни. По углам лежали застывшие бездыханные собаки.

– Вы не обращайте внимания, что все мертвое – оно не мертвое, просто усталое. Тут днем такое творится, что даже природа устает, и как только солнце заходит, тут все засыпает. Собаки, и те спят без снов и чувств. Ты можешь в нее камушком бросить или за ухо подергать – не проснется.

– Куда мы идем?

– Укрыться вам надо, пока не рассвело. Подвал получше найдем, укроемся, а как сумерки новые придут, в путь двинемся.

– Не, мы в путь не хотим, мы обратно на поезд.

– Или на поезд. Какая разница? Поезд – это тоже путь. Важно не о поезде сейчас думать, а о том, как до сумерек дожить.

– А вы Урода знаете?

– Глупый вопрос, – человек ответил и изобразил лицом удовольствие от слушаемой музыки.

– Почему же глупый?

– Конечно, знаю. Не про то думаете. Думайте, как до следующей ночи дожить. Ох, и повезло же вам, что я этот поезд встречал.

Диджей с каждым шагом становился все бледнее. Внутренняя тряска охватила и мысли, и глаза. У Диджея появились еле заметные слезы. Этот вымерший город с каменными собаками и мертвыми деревьями наводил страх. Мы сошли

с широкой дороги на тропинки и дальше, к темным глухим домам, от которых не исходило даже дыхания. Человек провёл нас закоулками, мимо заборов и огородных построек.

– Скоро уже рассвет будет. Пospеть бы.

Мы прибавили шаг. Человек наслаждался музыкой, повторял, что это самое чудесное, что он слышал за годы, если вообще не за всю жизнь. Вскоре мы подошли к одному дому. Дверь была не заперта. Мы зашли.

– Никого тут нет. Не переживайте. Все умерли.

– Мы совсем не переживаем, – сказал Диджей и со слезами сел на пол. – Все же умерли, кого нам бояться.

– Пошли в подвал, устройтесь там, погреемся.

Мы зашли в подвал, забросили вещи. Там все было пропитано сыростью, черные неровные стены были облеплены мхом. Человек зажег лампу.

– День здесь просидите. Только не высовывайтесь. Уже светает. Скоро карнавал начнется. Беда. И наверх не поднимайтесь, через окна могут заметить, или снаряд в дом залететь может.

Диджей судорожно схватился за голову. Его трясло. Че-

ловек попросил оставить плеер на день, как благодарность за помощь, которую он оказывает. Он сказал, что пойдет в другое место, ему еще кого-то надо укрыть.

– Вернусь к закату. Еду сейчас кину вам. Смотрите не вылезайте.

Он порылся в доме, добыл кусок хлеба и сбросил нам, закрыв доской спуск в подвал. Мы прижались к холодной стене.

– Что же происходит, – сказал я в воздух. – Зачем мы сюда поехали? Как война могла начаться? Что это за война такая?

– Ты видел этих собак? Разве нормальные собаки будут так спать? А этот дом? Тут все в страхе и усталости.

Я закрыл глаза. Поверить во все это было трудно, тело и ум не могли успокоиться. Открывать глаза вообще не хотелось. Я погрузился в дрему. Очнулся от плача Диджея.

– Да брось ты, не плачь, просидим день и обратно на поезд. Уже день?

– Да. Я не уснул. Не знаю, что нам делать.

– Давай поднимемся, посмотрим через окно, что там происходит. Аккуратно вылезем, никто нас не заметит.

– Я не пойду. Правильно этот человек сказал: нам надо до

ночи дожить, об остальном думать не стоит.

Я оставил Диджея внизу, поднялся по лестнице и отодвинул доску. В доме было тихо, как и ночью. Там была всего одна небольшая комната, сливавшаяся с кухней. С нерешительностью и волнением я подошел к окну. Там было большое красивое поле, дорога, приятные краски и никаких признаков чего-либо неправильного.

– Поднимайся, все нормально здесь, – я махнул Диджею. Тот поднялся. – Видишь, все красиво, уютно. Птицы летают. Людей, правда, не видно, но ничего особенного.

В этот момент в дали за окном появилась машина. Мы спрятались, чтобы поглядывать одним глазом на дорогу, но чтобы нас не было видно. Машина приблизилась, и мы смогли разобрать тех, кто ехал на ней. Это были солдаты с оружием и сосредоточенными взглядами. Диджей отполз от окна и спустился в подвал. Я последовал за ним, задвинув за собой доску.

– Зачем нас Урод послал сюда? – затрясся Диджей.
– Не знал, наверное, что война здесь идет.
– Знал он все. Он сам не поехал, нас послал. Ты сам подумай, ну какие могут быть ложки? Он специально нас сюда послал, чтобы нас тут убили.

Внутри себя я попытался найти объяснения и оправдания, но не смог. Идея ложек, символов и людей, которые ходят в обнимку с этими символами, показалась совсем нелепой. Так мы день и просидели, скушав свои запасы еды и тот хлеб, что нам бросили. Поздно вечером мы услышали шаги сверху. Диджей прижался к стене со всей силы. Доска сверху отодвинулась, заглянул тот самый человек:

– Ну что, можно поздравить? Живы? Там такое пекло было. Вокзал захватили.

– Как захватили?

– Нельзя туда возвращаться, там дежурят. Расстрелять могут, если приблизимся. Давай, показывай свою карту, подумай, как нам лучше пробираться.

Я достал бумагу с подробной картой. Человек покрутил, повертел ее.

– А что вам у бабки с дедом у этих нужно? Родственники? Я их знаю хорошо.

– Нет, ложки, – грустно сказал я.

– Ложки? Ну ладно. Будем пробираться через лес. Тут трясина начинается, опасно, увязнуть легко.

Не успел он договорить, как наверху послышался взрыв.

– Ого, – он захохотал. – Сегодня успокоиться не могут. Ничего, через час уже мертвым все будет, пойдем спокойно лесом. Я фонарики притащил. Тут еще в плеере батарейки сели. У тебя есть новые?

Диджей вне чувств закивал.

– Отлично! Давай их сюда. Нам надо за ночь до следующей деревни пробраться. Там тоже подвалов умерших много. За четверо суток должны добраться.

Мы вышли из дома в черное пространство. Человек снова пританцовывал, наслаждаясь музыкой, а мы брели за ним уже с малыми чувствами. Жизнь снова исчезла из мест, ушла в усталость и отдых. Мы подошли к лесу.

– Здесь начинается трудное. Можете зажечь фонарики, но осторожно. Если шорох услышите – это человек, все животные спят уже. А если это человек, то нам лучше с ним не встречаться. Слушай, а что это за музыка? Это же самая чудесная музыка на свете.

– Это... – Диджей замялся и не ответил. Это был первый раз, когда он не ответил на вопрос о музыке.

– Очень хорошая музыка. Слушай, давай так договоримся. Я вас привожу по адресу, но пока я вас веду, эта штука

у меня будет, – человек постучал по плееру. Диджей нервно закивал. – У нас три фонарика. Делаем так. Каждый должен в спину светить впереди идущему. Сейчас такое оружие расставлено по местам, что беззвучно отстреливает. Если кто из нас повалится, падаем и не шевелимся. Только без криков. Притворяйтесь мертвыми. Если солдаты подойдут и сапогами по голове постучат – не проявляйте жизни в теле, иначе пристрелят. Можно так фонарики направить, что их не будет видно в тишине. Будем идти спокойно, невидимо, без лишних шорохов.

Мы переходили по лесным трудным местам, иногда падали, царапались. Я упал прямо лицом в ветки, ушибся, поранился. У Диджея тоже лицо было перемазано грязью и кровью. Мы строго светили друг другу в спины, страшась отступить от слов и остаться там навсегда. Спустя несколько часов таких погружений мы вышли к большому полю, на конце которого виднелись домики.

– Я знаю все здесь. У них остановимся. В подвале переждите еще один день, поедите, к следующей ночи дальше двинемся.

Мы подкрались к одному из домов. Человек постучал в окно. Никто не отозвался. Тогда он постучал увереннее. В доме зажегся свет, и в окне появилось сонное лицо.

– А, ты, что ль? Сейчас открою.

На порог вышел человек с наброшенной курткой на сонное полураздетое тело.

– А это кто с тобой такие? – он недовольно посмотрел на нас.

– Свои. Все свои. Впускай.

Мы зашли, уселись.

– Зовите меня Ефрейтором, – он закурил и уставился на нас.

– Нам бы день пережить у тебя, – человек убедительно подошел к Ефрейтору и взглянул в его голову. Тот похлопал человека по плечу.

– Откуда ты их вырыл таких? – он косо посмотрел на нас.

– Спас я их, спас. Убитыми бы лежали давно. Они к деду с бабой идут, родственники, наверное.

Ефрейтор вздохнул, встал, подошел к нам ближе:

– Откуда?

– Мы приехали за ложками, нас Урод послал.

– Какой еще Урод? – он спросил с определенным раздра-

жением.

– Мы покупаем ложки. Мы не знали, что здесь война.

– А, вот как оно. Случайные. Ладно, хоронитесь. Идите, ложитесь спать.

Он повел нас в комнату.

– Бедняга, – кивнул он в сторону человека, который остался сидеть на кухне. – Контуженный. Всю жизнь воюет. Мы с ним вместе когда-то были на боях. Его там и стукнуло. С тех пор ему война везде чудится.

– А войны здесь нет? – я спросил тихо, чтобы человек не услышал.

– Какая война? Да... Бедняга. Ладно, не надо его расстраивать. Раз он вам про войну рассказывал, вы поддержите его, сделайте вид, что верите.

Диджея схватил нервный хохот. Он даже присел, схватившись за голову.

– Что с ним такое? – спросил Ефрейтор.

– Мы просто очень напуганы были. Все лица оцарапали, через лес пробирались с фонариками. Так здесь нет войны?

– Если и есть, то у него в голове, – Ефрейтор махнул рукой в сторону кухни. – Человек-то он хороший, не расстраивайте

его. Завтра подумаем, куда вам и как лучше добраться.

У нас уже слипались глаза и чувства. Понять, что происходит, не хватило сил. Мы просто упали на кровати и в нервном изнеможении провалились в сон. Сны были перемешаны с бредовыми содроганиями и вспышками нечеткостей, все плыло в уходящем осознании.

Мы проснулись от того, что человек нас расталкивал:

– Что, спятили? Солнце встало уже. Быстрее в подвал. Сейчас бои начнутся.

Я ответил сквозь сон, что сегодня наверху останусь.

– Просыпайтесь, кретины, последний день жизни наступает. Быстро в подвал. Я там уже вам еды заготовил, бутербродов нарезал, вкусно, свежо. Подвал здесь хороший, сам часто прятался в нем.

Мы с трудом открыли глаза, набросили одежду и перешли в подвал.

– Может, тут как в Нью-Йорке, всех сумасшедших выпустили по улицам ходить, вот они и делают свои дела, жизнь выстраивают? – шепнул я сонному Диджею.

Мы просидели час в подвале, после чего порешили, что с этими играми пора заканчивать. Мы вылезли и уселись на кухне. Человек внимательно смотрел в окно и, увидев нас, закричал, чтобы мы вернулись обратно до начала бомбежки.

– Простите, мы вам очень благодарны, но нам надо идти, – сказал я с наибольшей вежливостью, которую смог изобразить.

Он агрессивно подскочил ко мне и начал ходить вокруг, осматривая меня с разных сторон.

– Жить не хочется, да? Хотите идти? Вперед! Вперед! Рядовые, вперед! Только до этого не забудьте посмотреть, что за окном творится.

Мы подошли к окну и почти сразу же от него отскочили. Невдалеке от нашего дома ехал танк, а рядом с этим танком бежали вооруженные солдаты.

– Вперед. На этот танк. Пошли вон отсюда, – он стал нас выталкивать из кухни к двери.

Диджей закричал и побежал в подвал. Я еще раз посмотрел в окно и последовал за Диджеем. Наверху раздались вы-

стрелы. Мы снова прижались к стенке, дрожа еще больше предыдущего дня.

– Зачем этот человек нам наговорил все это ночью?

– Наверное, чтобы избавиться от нас.

Рядом с нами обнаружилась военная одежда. На земле валялись какие-то железяки тоже видимой военной природы. По сравнению с прошлым днем этот подвал казался уютным, теплым, с возможностью жить и думать.

– Ничего. Видишь, тут по ночам вымирает все, можно идти куда-нибудь. Доберемся до этих ложек, может, изменится что-нибудь. Может, они нашими символами станут и нас отсюда выведут, а отсюда если в теле выберемся, то жизнь явно изменится. Не бойся, станем покорителями символов, будем еще другим рассказывать, как ложки нас из войны вывели. Мне всегда так казалось, что если что-то происходит большое, сваливающее все видимое, то с ним бороться можно знаками. Большое тоже должно стоять на чем-то скрытом, невидимом, и если это невидимое подковырнуть – все большое и посыплется. И война закончится, и собаки по ночам дышать станут.

– Неужели ты думаешь, что ложки тут помогут?

– Сам посуди, об этих ложках люди других стран мечтают. И уж понятно, что не кушать они ими собираются. Ско-

рее уж ходить с ними в обнимку, как Урод рассказывал. Они этими символами бытие корректировать хотят, ход менять, с вечностью слипаться. Все правильно. Нам надо до ложек доползти.

Спустя несколько часов мы слышали крики наверху. Появилась голова Ефрейтора и крикнула, чтобы мы поднимались.

– Ну, зачем ты их туда загнал? – Ефрейтор жестко говорил с человеком.

– Им надо было схорониться. Сейчас уже пойдем. Нам через лес сегодня проходить еще. Нельзя ночь терять. Послушай, какая музыка, – человек протянул наушники Ефрейтору.

Тот проигнорировал предложение послушать музыку, махнул нам, чтобы вышли с ним в комнату.

– Вы что, тоже контуженые? Зачем просидели все утро в подвале? – сказал он твердо и раздраженно. – Мне одного психа хватает здесь. Он еще друзей приводит.

– Так ведь... – начал я, – а что это за танки за окном?

– Какие танки?

– Танк был здесь рядом. Я сам видел, – у меня чуть не выступили слезы.

– Здесь рядом военная часть. Я военный, он – бывший военный, живет на пенсию по инвалидности, здесь все военные, здесь учения проходят. У нас всего один танк, мы его для учения используем.

– А выстрелы?

– По мишеням стреляем. Так, куда вам надо? Сейчас шофера своего вызову, он отвезет.

Мы с Диджеем переглянулись. В голове радость смешалась с нервной усталостью. У нас не осталось сил и эмоций, чтобы выразиться. Я молча достал карту и протянул Ефрейтору.

– Там дед с бабкой живут. Вы родственники им, что ли?

– Нет, мы за ложками.

– А, да, вы говорили уже. В общем так. Я вас сейчас выведу на улицу, чтобы он не особо расстроился, а то когда он расстраивается, у него давление в голове повышается, совсем тяжело становится, катается по полу. Я скажу ему, что огород иду вам показывать. Сам отведу к машине, и вас за час довезут до места.

Мы благодарно закивали, ощущая наступление верных действий.

– Пойду покажу им огород, интересуются агрокультурой,

грамотные, – громко сказал Ефрейтор.

– Простите, – обратился Диджей, – а можно мой плеер у него забрать как-нибудь?

– Это сложнее. Давай попробуем, – Ефрейтор направился на кухню, – Ну-ка, что за музыка там? Дай-ка послушаю, заценю. Ох, какая приятная. Дай послушать на сегодня. Этот разрешил мне, – он указал на Диджея.

Так Ефрейтор сказал нам незаметно забрать свои вещи, вывел на улицу и проводил к другому дому, около которого стояла машина.

– Держи свою музыку. Не серчайте на него, он человек хороший, на боях всякое случается.

Ефрейтор дал указания вышедшему из дома человеку, чтобы тот нас довез нас до того места, куда мы попросим. Тот по-военному строго ответил. Мы залезли в машину. За окном остался домик с его уютным подвалом, а вдали – обрывки ночного леса.

– Откуда вы такие?

– Мы издалека. Мы приехали по делу. Бизнес здесь у нас.

– Здесь же военная часть, какой тут может быть бизнес?

– Ложки надо в одном месте купить. Вообще-то мы другим занимаемся. Я на заводе кожу готовлю, а он... диджей.

Водитель резко затормозил.

– Как диджей? – он заулыбался. – Вот это да! Вот это повезло.

– А что? – осторожно спросил Диджей.

– Праздник в части через несколько часов начнется. Нам как раз диджей нужен. Танцы организовать. Нам сегодня только выделили день. Жены и подруги приедут. Очень важный день. Поможешь?

– Ну конечно, – сразу же вырвалось у Диджея. Он даже засиял от такого предложения.

Диджей много лет мечтал о том, что его пригласят вести дискотеку, представлял, как это будет, как он начнет располагать аппаратуру, менять музыку, управлять чувствами и движениями людей. Я не мог осмелиться прервать его радость. Машина развернулась, и мы снова оказались у дома Ефрейтора. Ефрейтор сидел на крыльце с человеком и мирно толковал. Увидев нас, он недовольно подскочил к водителю.

– Что случилось?

– Товарищ Ефрейтор, вы не представляете, кто это. Это же диджей – ведущий дискотек. Мы искали диджея несколько дней. Он сегодня на танцах и сыграет.

– Правда? – Ефрейтор строго посмотрел на Диджея.

– Да, – довольно закивал Диджей. – Какая у вас аппаратура? Колонки есть?

– Все есть. Тут дом культуры есть. Там все есть. Будем там танцы проводить. Да, правда, повезло. Сыграй нам по-теп-лому, чтобы как на войне. А после танцев сразу же куда надо тебя и отвезем. Быстро вези его в дом культуры, готовьте все там, уже скоро народ начнет собираться.

Пока они беседовали, с другой стороны машины ко мне подошел человек и тихо сказал:

– Не бойся, я вас выведу. Сегодня нам надо через второй лес пройти. Дальше деревня безопаснее будет. Фонарики у меня. Будьте наготове, я подойду, когда надо идти будет.

Я устало покивал. Диджей обнял меня.

– Я устрою то, чего они не знают. Они растворятся в этой музыке, они над землей полетят, их легкость вознесет, всеобщее понимание, а-а-а-а, новая жизнь, ясность, все это будет сегодня. Я все свое дыхание к этому шел. Я хочу сказать, что счастлив, что мы поехали за этими ложками, здесь я стану настоящим диджеем, буду разбрасывать человеческие движения, взгляды, намеки – все. Это и есть чудо! Мы вернемся, я обниму Урода, поблагодарю за все.

Мы снова поехали, но уже в другом направлении. На дорогах встречались разные люди, в основном военные, бегали живые собаки, дул ветер, менял деревья. Было в этих движениях нечто неупорядоченное, беспокойное: по улицам обычно не так люди и животные передвигаются. Обычно каждый по своему делу идет, даже не оглядывается на окружающих. Здесь же происходила общая жизнь, люди, собаки, птицы, деревья проявляли общую суету и перемещение. Даже наша машина проезжала с общим участием, казалось, что на нас смотрят птицы на деревьях и не просто смотрят, но и провожают своими птичьими взглядами.

– А почему у вас по ночам так тихо и даже собаки не шевелятся? – спросил я шофера.

– Устают тут все. День сложный, надо много суетиться. К ночи сил на лишние шевеления ни у кого, даже у собак не хватает. Как только светло становится, все оживает, снова шуршать и ездить начинается. Чем жизнь сложнее, тем природа тише по ночам спит. Собаки у нас чуткие, на каждый стон живо реагируют, вскакивают, обнюхивают. Ветер подул в сторону – они туда же нюхать бегут. От такого любой устанет. Вот ночью и отсыпаются. Думаю, после войны в другое место перебираться. Тяжело здесь.

Мы с Диджеем тревожно посмотрели друг на друга.

– Какой войны? – спросил я.

– Это мы так учения называем. Некоторым так здесь нравится, что жить остаются, семьи заводят. А жить тут просто, надо со стихией ладить, иначе засушишься и умрешь быстро. Просто от внутренней неясности умрешь. В себе заблудишься.

– А какую музыку в городе слушают? Обычную? Из телевизора? Или приезжают музыканты? Для чего дом культуры стоит? – спросил Диджей.

– Музыка здесь всякая. Здесь любой звук может выжить. В дом культуры никто не приезжает. Мы устраиваем танцы иногда. Просто радио ставим, к колонкам подключаем и танцуем. А иногда и без музыки танцуем, тогда воздух сам поет. Как же нам повезло, что вы к нам приехали. Покажете, что такое настоящая музыка.

Диджей радостно захохотал. Мы подъехали к двухэтажному каменному зданию с заколоченными окнами.

– Вот, наш дом культуры, – шофер вышел и довольно потянулся.

– А почему окна закрыты?

– Мы когда-то подумали, что законная жизнь сильно отвлекает от танцев и внутреннего общения. Чтобы можно было целно и серьезно отдать себя празднику, решили заколотить окна. Иначе люди отвлекаться будут и танцевать не ста-

нут, по окнам разбредутся и смотреть в них примутся. Вот мы окна и заколотили. Так лучше, мне кажется. Теплее атмосфера внутри складывается.

Мы зашли. Шофер включил свет. Это был небольшой зал с расставленными по кругу стульями, с выдвинутой сценой.

Диджей засуетился, побежал проверять колонки и аппаратуру, которая стояла на сцене.

– В общем, через два часа уже начнут люди приходить. Не только военные, еще и жители местные придут. Постарайтесь уж, поработайте от души, порадуйте сердечки наши. Часик попляшем и отвезем вас, куда скажете.

Диджей так увлекся, что уже не услышал последних слов. Он начал разбираться с проводами, бегать по сцене, располагать колонки. Шофер ушел, оставив нас готовиться.

– Справишься? – спросил я.
– Что? – Диджей не услышал и моего вопроса.
– Справишься?
– Тут важно колонки расставить чутко, чтобы звук зажил. Я думал над этим много лет, как это нужно делать, рисовал картинки дома. Обычно расставляют все по бокам, но так неправильно, так музыка везде одинаково слышится. А

нужно, чтобы пространство с музыкой по-живому соприкасалось, чтобы в некоторых местах музыку вообще было еле слышно, а в других – чтобы она оглушала.

Он положил одну из колонок и накрыл валявшейся на сцене тряпкой.

– Отсюда будет звук далекий приходить. Как будто этот звук не здесь вовсе. Правильно они сделали, что окна закрыли – так серьезнее.

Диджей достал из сумки кучу кассет, включил огромный магнитофон на сцене, начал подбирать музыку. Таким я его раньше не видел.

Он просто соединился с этим занятием, с этой сценой и предвкушением. Он организовал даже световые мигалки, зеленый и красный свет, мерцания всякие. В один момент он ясно посмотрел на меня, улыбнулся:

– Все готово.

Мы отошли от сцены, посмотрели на место предстоящего веселья. На сцене и у стен сложно располагались колонки, из которых приходила тихая музыка далеких переживаний. Мы уже давно толком не ели ничего, но в этой деятельности го-

лод ушел, позволив не отвлекаться на себя. Я похлопал Диджея по плечу и сказал, что все замечательно, это обязательно понравится гостям.

Спустя время в зал вбежал шофер.

– На как, готово? Скоро народ начнет собираться.

– Да.

– Ух ты, как у вас все расположилось. Сразу видно, что специалисты. Без вас пришлось бы снова в тишине танцевать. И музыка какая красивая настает. Слушай, я не слышал никогда такой красивой музыки. Где ты такую взял?

Диджей заулыбался и сказал, что будет еще лучше. Мы стали ждать гостей, довольно поглядывая друг на друга.

– Видели бы те кретины со своей музыкой говна, где мы сейчас. Вот запрыгали бы, – засмеялся Диджей. – Мы ведущие праздника в военном городке. От нас зависит настроение целой воинской части, людей силы, от которых вообще безопасность страны зависит. Это еще лучше, чем ложки людям сложных чувств привозить.

– Да, им в такие места не попасть. Они как стайкой своей живут, так и умирать будут. Там, у подъезда, со своим говном. Если не одумаются, конечно. Если же одумаются, прощения у жизни попросят, то, может, какие-нибудь ложки их

бытие и выправят. Где же гости... уже пора ведь.

Мы стали смотреть в сторону входа. Не было никого. Даже шофер ушел посмотреть обстановку в городе. Музыка играла, но никого не было.

Уже начали приходить мысли разочарования, как скрипнула входная дверь. За дверью появилась собака. Она забежала в зал и села у стены, внимательно глядя на нас.

– О, первый гость. Надеюсь, люди тоже придут, – засмеялся Диджей.

Действительно, не прошло и минуты, как зашел дед неясной внешности с длинными волосами. Он тоже подошел к стене и сел рядом с собакой, прямо на пол. Диджей засиял.

– Начинается, – тихо сказал он.

Дальше зашли люди в военной форме, и еще люди, и еще. Забежали еще собаки. Все они заняли места у дальней стены. Некоторые военные заходили со своими собаками в намордниках на толстых поводках. Рассаживались, смотрели на сложившуюся природу, на сцену и тех, кто сидел рядом. Появились женщины. Зашли они тоже группкой, присели на боковые стулья, за ними забежали новые собаки.

– Смотри, сколько собак, – шепнул я Диджею, – наверное, перед сладкой темной ночью натанцеваться хотят.

Появились наши знакомые: Ефрейтор, шофер и человек. Ефрейтор довольно нам помахал, уселся среди остальных, а человек строго посмотрел, будто показал своим видом что-то важное, что знаем только мы с ним. Шофер подошел к нам и сказал, что можно начинать. Диджей подошел к магнитофону, переключил музыку. Из колонок начало доходить легкое тунц-тунц-тунц, он начал приплясывать на сцене, показывая своим видом, что остальные должны делать то же самое. Первыми послушались собаки: они выскочили на середину зала и стали блаженно валяться и перекатываться, издавая скулящие звуки, словно подпевая происходящему. Затем вышли женщины, стали плавно двигаться, красиво играть телами, поднимать руки, указывая на стройные и притягивающие тела. К женщинам вышли некоторые военные, поддерживали их, обняли, стали вальсировать. Танцы начались. Диджей менял музыку, суетился, по-новому танцевал на сцене, изображая разные настроения. Вскоре сидящих не осталось – все затанцевали. Музыка, как и мечтал Диджей, окутала собой весь зал, увела в себя мысли и желания. Собаки довольно бегали между людьми, даже те, в намордниках, с поводками – они катались по полу, путаясь в поводках, скуля от радости.

– Сейчас я поставлю такую музыку! Ты тоже этого не слышал.

Он поменял кассету на магнитофоне. Начало звуков было обычным, танцевальным, но в один момент они изменились, стали тревожно приятными. Показалось, что воздух и собаки им подпевают. Полился зеленый свет. Музыка забрала все чувства, многие танцующие встали, и в счастье закрыли глаза, и подняли руки. Ефрейтор подошел и обнял Диджея.

– Ты сделал нам счастье. Ты сделал нам уют, которого нам не хватало столько лет. Не уходи. Оставайся, не уезжай никуда. В городе поселишься, заботой тебя оградим, с любовью к тебе все относиться будут, – сказал он убедительно, трогательно и пошел дальше в зал сливаться с общими делами.

Я почувствовал, что меня кто-то толкает в бок, посмотрел в сторону и увидел того человека. Он приблизился к моему уху и сказал:

– Как только стрелять начнут – уходим. Если живыми хотите остаться, конечно. Фонарики со мной, – и он тоже смешался со счастливыми людьми и собаками.

Вскоре случилось неожиданное. Один из солдат во время

своего танца достал оружие и выстрелил в потолок. Это никого не смутило – больше того, остальные стали делать то же самое. Ни местные жители, ни женщины, ни собаки не обращали никакого внимания на выстрелы. Один даже вышел в центр зала с автоматом и пустил в потолок очередь, вопя при этом от радости. Я заметил, что человек стоит у двери и смотрит в нашу сторону. Он махнул головой в сторону двери, указав, что нам пора уходить. Эти выстрелы смутили нас, Диджей собрал кассеты, оставив только одну, ту, что играла, и мы вышли вслед за человеком.

– Сейчас друг в друга стрелять начнут, – сказал человек. – Вы видели местное кладбище? Каждый день новые потоки, мест уже нет, уже все поле засеяли. Пойдем, нам успеть надо.

– Никуда мы не пойдем. Сейчас все закончится и нас довезут.

– Кто довезет? Шофер? Да ты что! Ты послушай, что там творится.

Из дома доносились автоматные очереди и взрывы.

– Они же просто военные, они радость так выражают, у них так принято, – возразил Диджей.

– А почему же тогда окна заколочены? – ехидно спросил человек.

– Чтобы серьезнее к музыке относиться.

– Нет. Чтобы тир из мирных жителей не устраивать. Сначала они в окна высывались и обстреливали всех подряд. Вот окна и заколотили. Друг к другу они все же бережнее относятся. Люди они страшные все. Они только о войне и думают, только и тренируются, чтобы воевать. Народ здесь чудной, сами же видите. Тот же Ефрейтор. Мы воевали когда-то вместе. Человек он хороший, но больной совершенно. Ему пристрелить ничего не стоит. Войдет в чувства и пристрелит. Вот и музыка эта. Она своей сладостью сейчас их с ума совсем сведет, кто-нибудь найдется поактивнее и стрельнет в вас, чтобы лишние слезы у них этой музыкой не вынимали. Быстро уходим отсюда.

Мы пошли по вечерней дороге, прислушиваясь к громким шумам и взрывам, доносившимся из дома культуры. Диджей оглядывался, сожалел об уходе, но шел, убеждая себя в правильности происходящего.

– Думаете, я тронутый? – человек взглянул убедительно и трезво. – Война – дело внутреннее. Она случается часто, и те, кто не помнят о ней, пропадают.

– Зачем вы нам про войну рассказывали, про взрывы, про танки, это же учения всего лишь.

– Учения? Хотите вернуться в дом культуры и учения посмотреть? Вперед! Я здесь не первый год живу и не хочу, чтобы случайные люди просто так тут погибали. Учения...

Вы что, не видите, что тут даже собаки и деревья войной живут. Нам надо через лес пробраться сегодня. Держите фонарики, давай сюда плеер с музыкой.

Диджей растерянно протянул ему плеер. Мы взяли фонарики. Солнце проходило, наступали черные пустынные улицы и уже привычное настроение.

– Может, подождем Ефрейтора? – спросил Диджей.

– Можно подождать, конечно. Но ты сам рассуди. Им твоя музыка понравилась. Наверняка уже Ефрейтор тебе предлагал остаться и жить здесь. Если не предлагал, то предложит, а если не согласишься, он заставит. Он человек жесткий. Придется тебе здесь каждые выходные музыку им ставить. Ну, повезет тебе пару раз, все равно же раз на третий тебя пристрелят. Так что можем подождать Ефрейтора. Сейчас он там свою душевность разгонит и вылезет с пистолетом.

– Пойдем. Мы же можем не по лесу идти, а по дороге? Зачем лицо лишний раз царапать?

– Пойдем по дороге, конечно, вдоль леса, но если услышим, что они возвращаются, нырять в глубину придется. Они тебя после этой музыки так просто не оставят.

Вся радость, которая была в нас совсем недавно, сменилась нервными ожиданиями и внутренним холодом. Мы снова шли неведь куда, светя друг другу в спины фонариками.

Вскоре пришла темнота и деревья по сторонам дороги, как обычно, застыли. Пропали всякие звуки, пение птиц и ветра. Я шел позади, светя в спину Диджея фонариком. Шли мы по самому краю дороги. Человек подробно объяснил, что нужно будет сделать, если мы услышим шум.

Пройдя уже прилично и привыкнув к тишине и свету фонариков, мы услышали приходящий издалека шум. Как и учил человек, мы быстро погасили фонарики и прыгнули в траву, упершись головой в землю. Шум приблизился. Я немного поднял голову и увидел фары машины. Это была та самая машина, которая нас привезла в дом культуры.

– Ефрейтор домой поехал, – шепнул человек. – Навеселелся, довольный, наверное. Вовремя ушли. Знаешь, я тебе хочу вот что сказать, – он строго посмотрел на Диджея, – что бы ни случилось... ты очень хороший музыкант. Я не думал раньше, что такая музыка бывает.

Диджей грустно улыбнулся. Мы пошли дальше, в темную запутанную жизнь с тихими неясностями и связями. Дорога повернулась и перешла в тропинки. Мы снова оказались в лесу, снова перецарапали лица. Уже под утро, когда в небе стали показываться признаки светло-красного, мы вышли к новой деревне. Домики стояли разбросанно, без видимого согласования и внутренних дорог. Это место скорее походи-

ло на собрание случайно воткнутых домов, чем на деревню.

– Обитатели этой деревни причудливы до невозможности, – сказал человек с явной радостью того, что мы все-таки дошли. – Тут удивляться ничему не надо. До сюда война редко доходит, она там остается. Но в этой деревне тоже лучшешний раз из дома не выходить. Сейчас поищем дом давно умерших, сядем в нем день переждем. От домов давно умерших определенным холодом тянет. Учтите, тут пугать любят. Просто игнорируйте внутри себя все, что увидите или услышите. Ничего тут страшного или необычного нет, просто своенравная деревня.

– А как они пугают? – казалось, Диджей уже испугался.

– Подожди пару часов, увидишь. Я уже не боюсь их. Я через войну прошел, настоящий страх видел, а не эти глупости. Но раз так принято, то что уж поделать. Батарейки сели, давай сюда новые. Не представляю, что бы вы делали без меня.

Человек включил себе новую музыку и уверенно пошагал в сторону разбросанных домов. Подходя к домам, он снимал наушники, прислушивался и даже принюхивался. Обнюхав один из домов, он махнул нам, чтобы мы заходили.

Дверь была не заперта, дом пуст и холоден. Столы и стулья строго стояли на своих местах, но предметов жизни никаких не виделось. Мы присели. Человек достал сверток с

бутербродами:

– Бутерброды – это самая лучшая еда. Они вкусные, полезные, разные.

– А здесь можно в окно будет смотреть?

– Да сколько угодно. Не поможет. Это деревня внутренних правил, вряд ли за окном что-либо интересное увидится. Видите, им даже все равно, как дома свои располагать. Разбросали как попало и радуются. Я так и не понял, куда и зачем вы направляетесь.

– Мы ложки собираемся купить.

– Какие ложки?

– Деревянные.

– А, ну ваше дело. Ложки так ложки. Живы останетесь – обязательно купите. Только сегодня не сплехуйте. Еще раз повторяю: игнорируйте все внутри себя, глупости это все. Когда война началась, жители не знали, как к ней приспособиться. Изворачивались как могли и вот до чего дошли.

Солнце взошло и осветило места. За окном началась видимая жизнь: задул ветер, зазвучали насекомые, но ни людей, ни привычных собак не было видно.

– Скоро начнется. Придут проверять, кто это к ним заглянул, – засмеялся человек.

– А что нам им ответить?

– Я что, непонятно объяснил? Игнорируйте все. Глупости это. Ничего не надо никому отвечать.

– А если настаивать будут на нашем ответе?

– Я же сказал, что бы ни происходило. Настаивать – не настаивать, спрашивать – не спрашивать. Ты что, контуженый? Не слышишь, что я говорю? – человек видом показал, что устал повторять и прибавил громкость в плеере.

Ничего видимого не происходило, живого за окном не прибавлялось, но в один момент показалось, что в доме, несмотря на стоящее наружи солнце и теплую погоду, стало холоднее. Я даже достал из сумки свитер. Холод поступал кусками, похожими на волны. Человек сидел за столом с закрытыми глазами и в блаженстве слушал музыку.

– Тебе тоже холодно? – спросил я Диджея.

– Да, холоднее, чем ночью. Откуда этот холод берется?

Только он сказал это, окно, в которое мы смотрели, задрожало. Все оставалось неподвижным, неживым, дрожали лишь стекла на окнах. Человек уснул под сладкую музыку, оставив нас наедине с этим дрожанием.

– Что это со стеклами? – испуганно спросил Диджей.

Дрожь на стеклах перенеслась внутрь. Тревога входила в

нас с каждым мгновением. Лицо Диджея менялось, наполнялось видимым страхом. Я не выдержал и бросился в угол комнаты, прижался спиной к стене и закрыл лицо руками. Страх проникал в меня все глубже, не оставляя даже мыслей и понимания. Диджей просто сполз со стула и лег на полу, тоже закрыв лицо руками. Все эти переживания войны, в которых я был последние дни, – все это оказалось далеким и легким рядом с живым ужасом, который присутствовал в том месте. Показалось, что ожили все страхи детства, все страшные сны, все состояния желания крика. Захотелось кричать, но крик не выходил, он утопал внутри, вместе со всей жизнью. Жизнь пожиралась этим ужасом, этими трясущимися стеклами. Я упал на пол, потеряв всякую связь с чувствами.

Открыв глаза, я увидел Диджея, сидящего за столом. Человек все так же спал с наушниками, хотя музыка уже не играла. Тишина прерывалась его твердым храпом. Я не мог понять, сколько прошло времени и что происходит.

– Что это было? – спросил я Диджея. Тот просто пожал плечами. Стекла больше не дрожали, и за окном ничего не изменилось. – Я стал больше понимать. Урод когда-то рассказывал, как он таким стал, его ветер размазал так однажды. Он говорил, что голова иногда начинает болеть. И когда боль еще не наступила, но уже подходит, все останавливается. Предметы, жизнь – все останавливается, как по но-

чам здесь. Он однажды понял, что если дуть, как ветер, то голове легче становится. Если это снова придет, то надо дуть начать. Давай так, если стекла снова задрожат, быстро на них дуть станем.

– Жалко Урода, – сказал Диджей. У него появились слезы. Внутри меня тоже все по-теплому сжалось, поднялось к груди. Сердце заколотилось с необычайной чувственностью, захотелось не просто заплакать, а разрыдаться и не из-за жалости к Уроду, а из-за жалости вообще ко всему: и к Уроду, и к Диджею, и к себе, и даже к этому спящему человеку. Сдержать этого внутри я не смог. Поились слезы. В момент бытие представилось удивительно утонченным, трепетным, а сострадание показалось единственным возможным мышлением и целью. Мы с Диджеем обнялись в наших чувствах.

– Так, что здесь происходит, – человек пробудился и закричал. – Говорил же игнорировать все. Точно контуженые? Говорил же, что бы ни происходило, внутри себя это не развивать, на вопросы не отвечать и все такое. Разревелись.

– Не надо так кричать, – сказал я сквозь слезы. – В мире и без того много крика.

От своих же слов мне стало еще жалостливее и уютнее. Теперь другая дрожь жила внутри, жила и щекотала. Я снова

закрыв лицо руками. Слезы проходили сквозь пальцы, падали на пол.

– Вот кретины. Я же говорил, не надо на них обращать внимания. Ни на кого.

– О ком вы?

– Жители местные залетают здесь. Они проявляются по-разному: как страх, как жалость, как хохот. Это их способ выражения и питания. Кто чем в этом мире питается. Вот некоторые из этих питаются слезами людскими. Жестокие они. Ничего, скоро закат уже. Тут ночью тоже все вымирает, они тоже устают и без шевелений спят. Не успел он договорить последнего, как послышался шум и голоса за окном.

– О, это уже хуже, – грустно сказал человек и надкусил очередной бутерброд.

Дверь открылась, зашли шофер и Ефрейтор. Они молча уставились на нас.

– Ефрейтор, дорогой, заходи, бутерброды бери, – сказал человек.

– Где вас носит? – строго сказал Ефрейтор. – Обыскались уже. Танцы вчера закончились, вы пропали. Ходили, полночи искали вас, на машине по дорогам ездили. Как вы здесь

оказались? Это же пустая деревня. Все умерли давно.

Я вытер слезы рукавом свитера.

– А как они умерли? – спросил я.

– Ха-ха, как... известно как, – сказал человек, не вынимая бутерброд изо рта.

– Эпидемия была, вот все и умерли от болезни, – ответил Ефрейтор.

– Ага, эпидемия. Пиф-паф-эпидемия, – захохотал человек.

– Я вас жду во дворе, надо переговорить. А ты останься, бутерброды доешь, – Ефрейтор недовольно скомандовал.

Мы вышли во двор.

– Я не понимаю, что происходит? – гневно начал он. – Мы с вами обо всем договорились. Танцы заканчиваются – отвозим вас, куда надо. Это он вас повел? Он? Зачем снова с ним пошли, не видите, что ли, что он невменяемый? Ему беспокоиться нельзя, у него в голове лопается что-то. Так, куда вам надо?

Я достал помятую карту из кармана.

– Там же дед с бабкой живут. Зачем вам туда? Родствен-

ники?

– Да, родственники.

– Как же, родственники? Я же спрашивал уже об этом вчера, говорили, что не родственники, а за ложками какими-то едете. Врать начинаете? Нехорошо. Здесь военная часть, вранье не поощряется.

– Простите, – у меня снова слезы полились. – Простите. Мы же ничего вам не сделали. Мы ни войной, ни военной техникой не интересуемся.

– Да ладно, – засмеялся Ефрейтор, – вы же не военные, вам врать можно. Это военного человека надо наказывать за такое, а вам просто выговор.

Человек открыл окно и с равнодушным взглядом и бутербродом в руке посмотрел в нашу сторону.

– Хорошие ребята они, Ефрейтор, не убивай ты их, – спокойно сказал он.

– Во, видите, совсем тронулся, – шепнул нам Ефрейтор, – думает, что я вас убивать собираюсь. Война – дело страшное. Когда она закончится, думаю отсюда уехать. Здесь жизнь тяжелая, сами видите.

– Они же за ложками приехали, случайные, не губи ты их, – добавил человек.

– А, не обращайтесь на него внимания, – продолжил Ефрейтор. – Садитесь в машину, мы вас довезем, куда хотите. Хо-

тите к деду с бабкой, хотите обратно на поезд. Мы вам очень благодарны за вчерашний вечер, за музыку эту чудесную. Я такой музыки не слышал никогда. Так куда вас? На вокзал или за ложками?

Мы переглянулись с Диджеем. Мне вспомнились мои же слова о том, что без ложек нам все равно не вернуться.

– Ефрейтор, ради меня, ради той музыки, что вчера была, не убивай их, а? – человек доел бутерброд и жалостливо посмотрел в нашу сторону.

– Да сколько можно! – закричал Ефрейтор. – Сколько я к тебе жалость буду испытывать, а? По-хорошему тебя в дом для сумасшедших давно надо уже отослать. Отдай им плеер.

– Это тебя надо в этот дом, – спокойно возразил человек и протянул через окно плеер.

– Все, не могу больше с ним. У меня тоже есть нервы, я тоже не могу это терпеть столько. Быстро в машину. Куда везти вас?

– За ложками.

Мы сели в машину. Ефрейтор сел спереди, рядом с шофером и мы поехали. Человек остался грустно смотреть нам вслед.

– Зачем вам ложки-то? – спросил Ефрейтор.

– Так, символ. Просто чтобы были. Положим куда-нибудь.

– Ясно. Символ – это хорошо. Только символы тоже разными бывают, есть внешние, а есть и внутренние. Ложка – это внешний символ. А знаете, какой символ внутренний?

– Нет.

– Война, – в один голос сказали шофер с Ефрейтором и захохотали. – Вне войны трудно мыслить, трудно разбирать плохое и хорошее, вне войны все запутано. Не поймешь, от кого ждать удара, а от кого добра. А на войне все четко, – сказав это, он достал пистолет, открыл окно машины и выстрелил в небо.

Мы с Диджеем испуганно прижались друг к другу. Все разумное подсказывало, что это не может быть концом, нас не могут непонятно за что вывезти в поле и расстрелять.

– Вы в армии служили? – строго спросил Ефрейтор.

Я понял, что врать не имеет смысла, спросит, в какой части и все остальное, а в этом он уж точно разбирается. Но если скажу, что нет, он спросит почему, и на это будет достаточно сложно ответить оправданием. Я попробовал ответить туманно:

– К армии надо подготовиться сначала. Чувства в порядок привести, внутреннюю дисциплину организовать. В армию

просто так не попасть. Его не взяли, например, сказали, что телом слаб, нагрузок не выдержит.

– Ничего, я бумажку напишу вам, охарактеризую положительно – возьмут, – показалось, что мой ответ Ефрейтора вполне устроил. Я облегченно вздохнул.

– Говоря по-разумному, война – это категория мышления, – сказал шофер, – ее трудно изнутри достать и выбросить. Здесь это все понимают, поэтому так и жизнь складывают. Даже животные это понимают.

Мы выехали на новую дорогу, с лесами по сторонам. Ефрейтор и шофер замолчали и погрузились в раздумья, которые мы нарушать ни вопросами, ни даже шорохами не хотели. Старались мы сидеть неподвижно и смотреть только в окно. Лица у нас были в ссадинах, грязные, одежда порванная. Я вспомнил дом, мать, старую жизнь, от этого даже слегка прослезился, но не позволил себе зашуметь этими чувствами. Мы проезжали деревни, постройки, огороды, видели людской быт, даже домашних животных.

– Скоро приедем, – сказал Ефрейтор.

Эти слова согрели что-то внутри. Куда мы приедем, я совсем не понимал, но казалось, что там будет определенный выход или хотя бы намек на него.

Мы свернули на деревенскую дорожку, поехали среди домов.

– В этом доме полоумные живут, – рассмеялся Ефрейтор и указал на дом.

– Да, да, – я оживился, вспомнив, что рассказывал Урод. – Нам в соседний. Именно сюда мы и ехали.

Мы остановились около небольшого невзрачного сруба. Ефрейтор и шофер тоже вылезли из машины.

– Дед, открывай, – Ефрейтор уверенно постучал по двери. – Гостей к тебе привез. За ложками приехали.

Дверь открылась, вышел старик.

– За какими ложками? – спросил он.

– За деревянными. У вас ложки есть старинные, деревянные? Мы купить их хотим. Неплохие деньги заплатим.

– А какие у нас ложки? Заходите.

Он провел нас в дом. За кухонным столом сидела старушка, а рядом с ней Урод. Внутри все радостно задрожало, я бросился к нему.

– Ну, наконец-то, я уже забеспокоился. Садитесь, пообедайте. Садись, Ефрейтор.

– Урод, дорогой, какой большой стал ты. Я же тебя помню еще вот каким, – они обнялись. – Смотри, беда какая с лицом-то, не вылечилась до сих пор? – он погладил Урода по лицу и волосам. – Помню, все помню, что было. Тогда ветер поднялся сильный, ты в окно высунулся, он тебя и размазал. С ветром сложно.

Мы сели. Старушка налила нам горячей еды, по-хозяйски, по-доброму устроила.

– Это места моего детства, – сказал Урод. – Я здесь маленьким бегал, пока мы к вам в город не переехали. В вашем городе-то было скучно, угрюмо, даже мертво. Школа эта хорошая была, разве что, где я учился.

– И я там учился, – радостно добавил Диджей.

– Да, школа хорошая, люди правильные. А остальное – беспросветное что-то, грустное. Там грусть в воздухе шипела везде. Прислушаешься иногда, так «ш-ш-ш-ш» – шипит она. Люди там неловкие были, стадные. А здесь – свобода. Как вас тогда увидел в городе, сразу решил, что вас в нужные места надо мыслить отправить, иначе загнетесь там, в дыре своей. Здесь животные, птицы, даже насекомые по-другому мыслят – теплее, правильнее. Они все воспринимают чувственно.

Мы молчали и устало смотрели на происходящее. Старушка все суетилась, Ефрейтор и шофер жадно доедали горячие сытные блюда.

– А где же ложки? – спросил я.

– Да вот же, мы ими едим сейчас. Ложки деревянные, старинные. За ними и поехали. Я уже договорился, нам их даром отдадут, раз так надо.

Тут в дверь постучались. Дед открыл.

– А я по ошибке в соседний дом зашел, хорошо, что там все спали, – с хохотом сказал человек. – А вы здесь. О, Урод, родной. Давно тебя не видел.

– Да, в соседний дом лучше не заходить, – сказала старушка.

– Точно, – добавил Ефрейтор. – Один раз был у них – страшное дело. Война войной, но это уже слишком. Надо бы нам сумасшедший дом тут организовать, их туда переместить, и заодно вот этого, – он указал на человека.

– самого тебя надо. Их и тебя с пистолетом, вот и посмотрим, кто кого съест. Битва страшная будет, – ответил тот.

– Ладно, не обращайтесь внимания на этого больного, – подбодрил всех Ефрейтор. – Дело мы сделали хорошее, ложки раздобыли. Пора уезжать. Ну что, подбросить до вокзала?

– Нет, мы сами, – зубами улыбнулся Урод.

Ефрейтор, шофер и человек вышли из дома, сели в машину и уехали.

– Устали? Вижу, что устали. Не грустите. Мы важное дело сделали.

– Поедем отсюда? – спросил я.

– Еще кое-что покажу тебе, и поедем. Кое-что надо вернуть. Слишком долго я ходил и дул на всех кого ни попадя. Слишком долго страдал от этого мира, от пустоты людской бесчувственной. Я же не урод совсем, я красивый. Я лицо себе верну, и вернемся. Это только здесь можно сделать, в тех самых местах, где его мне размазало. Помнишь, как в детстве мы с тобой за кустами сидели и смотрели, как того человека смешного на стул сажают, того самого, что твоим отчимом стал?

– Помню.

– Бытие меняется не грубой силой, не огромным покрывалом, оно меняется символами.

– Оно стоит на символах, которые можно подцепить?

– Именно. Вопрос только в верных точках, в верных взглядах, поэтому-то я и занялся антиквариатом, чтобы ближе к символам быть. Ценители старых вещей в основном глупые, они просто чувствуют, что эти вещи на себе время несут, что притягивают, вот они и ведутся. А как их использовать, как

в жизнь вставлять – никто толком не понимает этого. Я долго думал, как мне исцелиться. Когда деньги появились, я пошел к лучшим врачам. Они делали снимки головы, разводили руками, говорили, что это – родовая травма, не верили, что я когда-то красивым был. Устал на них кричать и что-то доказывать. Они сказали, что вмешательство невозможно, что оно убьет меня, мозг отключит. Тогда-то я и понял, что нет у них никакой силы и дуть на людей, на деревья, на животных куда перспективнее, чем к врачам ходить. Я начал вспоминать, как все это случилось, как ветер начался, как голова перед этим разболелась, о чем думал в тот день, зачем в окно выглянул. Кстати, я у соседей у этих дома тогда был, дружил с их детьми. Мы играли во что-то. Вдруг ветер сильный начался, я решил окно открыть, высунулся – вот и размазало. Повернулся к ним, они испугались, убежали. Подошел к зеркалу – тоже испугался. Позже я возвращался мысленно туда, пытался понять, что же произошло и как это исправить. В один момент вся символика в ряд выстроилась, засверкала, показалось, что мне нужно вернуться в это место, в это время, произнести те же слова и тогда что-то сдвинется. Если и не исцелюсь, то хотя бы пойму многое, пойму, за что меня так.

– Ты хочешь идти в этот дом?

– Да, видишь, на улице ветер собирается. Мы все вместе пойдем, вы друзей моих старых изобразите, мы играть будем. Затем я к окну подойду, раскрою его и высунусь, с теми же

мыслями, с той же внутренней болью.

– А если не сработает?

– Реальность очень сложна. Никаких гарантий даже у стройных символов нет. Ты можешь этими ложками обложиться, а муха в мозг Ефрейтору залетит, придет он и стрельнет в тебя. Это же жизнь, она не контролируется – она лишь направляется. Сработает или нет – я не знаю, знаю лишь то, что это – правильное направление.

Урод нам подробно описал детали того дня, когда он играл в комнате с соседскими детьми. Он дал нам роли, сказал, что и в какой момент говорить. Мы должны были по-детски себя вести, бороться, даже плевать.

– А не страшно к соседям идти? – спросил Диджей. – Вы же все говорили, что они странные.

– У них все сдвинулось в понимании, вообще все, – спокойно ответил Урод. – Такое случается с людьми. Они днем спят, их не разбудишь так просто. По ночам выходят и такое тут устраивают.

– Да уж, – дед услышал наш разговор и вставил свое слово.

– Мне самому жаль, что не могу старых друзей попросить об этом, они уже не поймут ничего, совсем запутались внутри себя. Смотрите, ветер расходится. Это я ветер позвал. Мало чему за жизнь научился, но ветер позвать уж могу. Пойдем.

Мы вышли из дома. Ветер проявлял себя в полноте и жесткости. Природа волновалась, издавала порывистые звуки, скрипы. Урод неподвижно улыбался. Мы зашли в соседский дом. Повеяло странным запахом. Это была смесь запаха каких-то экзотических приправ с тухлятиной. Запах въедливый, пронзающий. Мы прошли в комнату. У стен стояли кровати, на которых неподвижно лежали люди, закутанные с головой в простыни.

– А чем так пахнет? – спросил я.

– Да ими и пахнет. От них особый запах исходит. Совсем, конечно, жизнь напортили себе, запутались они, видите какие, – он махнул рукой в сторону одного из спящих. – В той дальней комнате это все было.

Мы нерешительно сели на землю. Урод дал знак, чтобы мы начали по-детски играть, еще раз сказав, что это ничего не разбудит. Мы так и сделали: стали бороться, хохотать, плевать. Урод в счастье и ожидании катался вместе с нами по полу.

– О, смотрите, какой ветер, – внезапно сказал он и полез к окну.

Он распахнул окно, высунул голову наружу и закричал. Мы застыли в чувствах.

– Давай тоже дуть, – тихо сказал я Диджею.

– Давай.

Мы стали дуть, как бы помогая всему символу и проживаемому волшебству. Урод кричал еще громче, мы дули еще сильнее – и в тот момент он повернулся к нам. Его лицо было чистым и красивым. Он улыбался нам, показывая новую сложность мира, открывая то, что обычно нельзя открывать. Все остановилось, все зашептало и раскрылось. Он повернулся снова к окну, снова закричал.

Мы вышли из дома. Ветер утих. Лицо Урода снова стало страшным, обычным. Он тихо смеялся, радостно поглядывая на нас. Мы взяли ложки и пошли по дороге на автобусную станцию. По расписанию прибыл автобус, который доставил нас на вокзал. Затем подошел и поезд, который вернул нас в город привычных чувств и стремлений.

Самолеты

Борис Ильич посмотрел в зеркало, поправил халат, уложил в голове последние детали предстоящей речи и направился к двери. Затем оглянулся, вернулся к столу, на котором лежали книги, провел пальцем по одной из обложек, стер легкую пыль. В дверь постучались. Этот легкий невинный стук пронзил все тело Бориса Ильича – он содрогнулся, бросился открывать.

– Борис Ильич, после завтрака всем сказали собраться на втором этаже, в актовом зале. Вас ждут.

– Да, да, иду, – Борис Ильич снова поправил халат, растерянно окинул взглядом комнату и вышел.

В зале собрались около сотни человек. Когда зашел Борис Ильич, почти все зааплодировали. Он поблагодарил за эту теплую встречу, улыбнувшись всему залу, вышел вперед, достал из кармана заготовленную бумагу:

– Доброе утро, друзья. Мне радостно видеть ваше хорошее настроение. Каждый год я выступаю перед вами, подвожу итоги. Приятно, что наш пансионат год за годом становится все комфортнее, роднее. Как и принято, подведу некоторые итоги. За последний год улучшилось практически все, касающееся бытовой части: уровень питания, обеспечение досуга, культурные мероприятия. Одним из важнейших нововведений, уже утвердивших себя, считаю назначение старост наших корпусов. К сожалению, сегодня не смог прийти староста второго корпуса, поэтому выступит лишь староста первого корпуса Лишеев Сергей Игнатьевич. Вот он, поприветствуйте его. Спасибо. Он и расскажет о соблюдении распорядка, графиках работы и всем необходимым. Пожалуйста, Сергей Игнатьевич.

Сергей Игнатьевич, человек сурового вида в цветной пижаме и разваливающихся тапочках, привстал со своего места. Несколько нерешительно он вышел вперед.

– Говорите, Сергей Игнатьевич.

– Что говорить? – испуганно спросил он.

– Что приготовили. Как мы и договаривались, – Борис Ильич улыбнулся.

– Январь, – грубо прочел Сергей Игнатьевич, – помощь по кухне: Иванов, Паворин, Сыть, Явлеенко. Помощь по устройству, в том числе починка водопровода: Иванов, Паворин, Сыть, Явлеенко. Участие в культурной жизни, – он замялся. – Никого не написано.

– Как же не написано, – Борис Ильич взгляделся в бумажку, – ну вот же: Иванов, Паворин, Сыть, Явлеенко.

– Да, точно. Только это снизу написано. Февраль. Помощь по кухне: Иванов...

– Я думаю, что нам всем понятно, кто в этом году проявил наибольшую инициативу. Вижу в этом списке четыре фамилии. Февраль, март, апрель... Декабрь. Выносим нашим дорогим активистам благодарности и просим впредь продолжать с тем же энтузиазмом.

От этих слов у Саши Паворина по телу пробежало холодное и живое, радость выходила с каждым мгновением. Весь зал ему показался заполненным чистотой и трепетом. Борис Ильич в своем строгом белом халате благодарно улыбался.

– Как мы обещали год назад, активистам будет приготовлено небольшое поощрение, – улыбка Бориса Ильича словно накрыла взгляды всех сидящих. Он сиял с особой искренностью. Наступила тишина. Борис Ильич оттягивал время,

захватывая улыбкой все больше и больше воздуха. – Мы договорились с областным аэропортом об экскурсии. Для всех четверых активистов, а также, естественно, наших старост, которым пришлось в течение года следить за порядком, будет организован показ самолетов. Они смогут понаблюдать за работой диспетчеров и даже побывать в кабине летчика. Сопровождать будут наши работники. Надеюсь, это мероприятие доставит нашим активистам новые впечатления и послужит стимулом для дальнейшего сотрудничества.

Саша закрыл лицо руками. Борис Ильич продолжал свою речь, но Саша уже ничего не слышал. Ему показалось, что весь зал уносится в тусклом направлении, где-то пропадают очередные звуки, воздух сливается со старыми стенами, а возможно, и просто исчезает все, дышать становится тяжело. Чтобы прийти в себя, понадобилось несколько минут. Сначала очертания стали знакомыми и ясными, потом звуки наполнились смыслом и узнаванием. Борис Ильич закончил речь, выслушал аплодисменты, раскланялся.

– Борис Ильич, – Саша подбежал к нему сразу же, как закончилась официальность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.